

18+

М. ХРУМИН

(НО ЭТО НЕ ТОЧНО)

ПРИВЕТ

ИЗ

70-Х

М. Хрумин (но это не точно)

Привет из 70-х

«Издательские решения»

Хрумин (но это не точно) М.

Привет из 70-х / М. Хрумин (но это не точно) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532874-8

Каково читать записки автора, который еще не родился? Что может он поведать нам, людям из прошлого? Кто первым ступил на Марс? На что люди грядущего тратят своё время и деньги? Сколько и как зарабатывают? Чем питаются? Какие проблемы вынуждены решать? Пронзительная исповедь обывателя из 2070-х — как умудрился он переслать свою писанину на полвека назад? Об этом и не только в его приветственных монологах! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-532874-8

© Хрумин (но это не точно) М.

© Издательские решения

Содержание

Короткое предисловие	6
Часть первая. Прекрасная ...ссия будущего	7
Монолог первый	8
Монолог второй	14
Монолог третий	22
Монолог четвертый	29
Монолог пятый	35
Монолог шестой	42
Монолог седьмой	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Привет из 70-х

М. Хрумин (но это не точно)

Редактор Кай Арбеков

© М. Хрумин (но это не точно), 2021

ISBN 978-5-0053-2874-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткое предисловие

Эти записки, случайно пришедшие к нам, стоит признать, неожиданно и фактически из тумана неизвестности (мы так и не смогли отследить IP-адрес, откуда их отправлял предполагаемый автор), следовало бы объявить совершенно фантастическим вымыслом, не несущим какого-либо политического, сепаратистского и прочих некорректных подтекстов, выдумкой, не подразумевающей вредящих психике отдельных читателей элементов, а также подрывающей сложившиеся в нашей «доформационной эпохе» устои и порочащей определенных авторитетов повестки. Но имея в виду сомнительное возникновение, неопределенный источник текста и не будучи уверенными на все сто процентов в том, является ли создатель этого труда психически здоровым субъектом, закрадываются неясные сомнения в благонадёжности рассказчика. Если же текст каким-то чрезвычайным феноменом имеет то самое *чудесное происхождение*, подразумеваемое и заявленное им или, может быть, ею (кто ж его знает, кто в действительности стоял за написанием этой книги), полагаем, каждый читатель вправе самостоятельно решать, какие смыслы вкладывал автор в данные строки. Мы же лишь располагаем расставленными в данном конкретном порядке буквами и знаками препинания и не несем ответственности за образы, возникающие в голове читателя по мере продвижения по телу «монологов», каковыми окрестил их создатель, а также следуем его просьбе и посланию, о чем явственно говорится в последней главе бурного сочинения. Впрочем, будь даже эта книга всего лишь плодом больного воображения, мы не исключаем некоторой занимательности данного опуса, благодаря чему, в общем-то, он и очутился на вашем рассмотрении. За исключением настоящего вступительного слова, текст остается таким, каким он попал к нам, и, несмотря на сильный соблазн изменить некоторые не совсем пристойные выражения, мы постарались сохранить его в неизменном виде, включая орфографию и пунктуацию автора. Возможно, читателей с тонкой душевной организацией стоит предупредить о редком наличии нецензурной лексики, однако и это обстоятельство оставим на совести автора.

Редакция

Часть первая. Прекрасная ...ссия будущего

*Скажи, что меня нет дома.
Скажи, что здесь никого нет.
Я вернусь через полмиллиона лет.*

Такахаси Синкити

Монолог первый

В тот день на рабочем месте скончался Рося Никитин. Месяцами не подкручиваемый, оставленный без присмотра болт на сопле подачи ЖПУ расшатался, и в самый неподходящий момент, когда паренёк для чего-то наклонился к контейнеру, куда под давлением впрыскивалась густая жидкость, кусок металла зловредно сорвался и, вращаясь с начальной скоростью около 12 000 оборотов вокруг своей оси в минуту, вмиг пробурился сквозь его череп, запутался в мозговых извилинах и застрял в них навечно. Желто-оранжевые струи, лишившись сдерживания, забились из сопла во все стороны, забрызгав серую спецовку Роси, его перекосившееся от смятения лицо: они капали, и стекали, и просачивались сквозь металлические кольца в полу. Ростислав опустился на колени и затем повалился навзничь, перестав шевелиться. Его лицо так и застыло в ошеломлении, а руки безжизненно распростерлись по сторонам от тела, наполювину сжатые в кулаки. А едкая жидкость безостановочно била из автомата, пока я не подскочил с другой стороны станка и не перекрыл вентиль... Вспоминая теперь эту картину, мне приходят на ум цветастые полотна супрематистов, из которых разлетаются во все стороны пятна краски и всякие геометрические фигуры разной степени деформирования.

ЖПУ – это жидкий питающий углерод, один из элементов СУПа, – то, из чего впоследствии сформируют заготовки для таблеток под нашей торговой маркой L@rn (как вы понимаете, многие названия носят знак @, чтобы суб-сайт компании можно было легко открыть, с одного взгляда). Вы, должно быть, воображаете назойливую всплывающую рекламу, что выползала раньше во время веб-серфинга, отчего хотелось смахнуть её с глаз, как только она появляется: впоследствии кто-то пожаловался на это безобразие, и баннер уменьшили. Возвращаясь к техническим подробностям, следует пояснить, что ЖПУ подается в особый стабилизирующий контейнер, застывает в нем, делится под другим станком на равные части промышленным ножом и отправляется по конвейеру к следующему этапу производства, где готовые брикеты снова разжижаются, смешиваются с прочими ингредиентами, чтобы войти в состав окончательной смеси в центральном зале, откуда по главному конвейеру будут выдавливаться кирпичики, далее делимые роботами на прямоугольные плиточки, откуда те, в свою очередь, перетекут в упаковочный цех. Всё это требуется ради точного соблюдения технологии производства, и нам, людям, необходимо тщательно следить за процессом, чтобы нигде не возникало заминок, чтобы машины не вздумали тупить, иначе отлаженная цепь порвётся и процесс остановится. Все ещё непонятно, о чем я толкую? Ладно, разжую, так сказать, как для новорожденных утят. L@rn – это такие крошечные вытянутые батончики, 0,5x1 см, можно сказать, что и таблетки, содержащие все необходимые вещества, витамины и калории в настолько концентрированном виде, что помещались вот в такую крошечную капсулу, завернутую в съедобную оболочку. Крутишь ее на языке несколько секунд, наслаждаясь вкусом, потом, когда она наслонявится как следует, глотаешь, и все дела. Оболочка тает, разъеденная желудочным соком, и тело получает все необходимые для жизни калории и элементы, и по мере растворения таблетки человек ощущает прилив сил и заряжается энергией. А главное, сытостью. Это как батарейки для тела – всё еще ничего не всплывает в голове? Короче, эта пилюля полностью решила для человечества вопрос распределения ресурсов, требуемых для пропитания (и, в отличие от сомы, – никаких наркотических свойств и вытекающих). Благодаря продовольственной реформе люди стали лучше выглядеть: исчезла чересчур жирная пища, а вместе с ней построились обжоры и сладкоежки. Разработанная пару десятков лет тому назад технология суперконцентрированного питания совершенно лишила фермеров и вообще всю пищевую промышленность (включая производителей посуды, например, и другие периферийные области), фигурально выражаясь, хлеба, но позволила некоторым из них перестроиться и начать производство чудодейственных таблеток. В основе сложного химического соединения лежат

гормоны, отвечающие за естественный синтез и выработку натриевых, азотных, магниевых, калиевых, серных и фторовых компонентов, а необходимые телу жиры, углеводы, белки соединяются из этих элементов во время растворения в желудке: каждая плитка – как микроскопический атомный реактор, что высвобождает цепную реакцию быстрого деления и размножения питательных молекул, заложенных в его ядре, а с ними белки, углеводы, аминокислоты, ну, все, что нам надо, и в результате окисления кислородом, поступающим из крови, высвобождается достаточное количество энергии, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма в течение следующих восьми часов. А затем лучше принять новую таблеточку, иначе после прекращения реакции посаженный на них организм ослабеет настолько, что ему едва хватит усилий проползти буквально несколько шагов до крючка, где висит костюм с заветным флаконом с драже, или до ящика стола, куда машинально убрал его. До ближайшей аптеки, что превратились в пункты выдачи неимущим и магазины для продажи палсов, может не хватить сил: встроенная в ком программа начнет верещать задолго до того, как ваше обессиленное тело рухнет на землю, поэтому запас таблеток крайне рекомендуется всегда иметь при себе. Из ничего что-то не берётся, и наши тела этому научены, как ничему другому, за миллионы лет эволюции. Мы привыкли лопать мясо с рисом или макароны с подливкой на обед или, на худой конец, тушеные овощи, ну там синтетический горох или кукурузу. А не крошечные таблетки. Поэтому, когда их действие прекращается, тело начинает вести себя, словно старомодный игорный аппарат, отрубленный от питания, – отключается, как только ток перестает поступать в утробу. Как правило, обманывали мы себя самих с помощью различных вкусовых добавок, чтобы поглощать вещество было приятнее: если хочешь, оно будет носить вкус поджаренных сосисок, или усладит язык вкусом ванили, что особенно популярен среди детей; или впрыснет в рецепторы вкус сырой рыбы для гурманов: они создадут для органов чувств любой аромат настолько достоверно, что и не отличишь от настоящего. Для организма всё настолько натурально, что выделительная система продолжает производить рыхлые коричневые колбаски, которые вам приходится выдавливать из себя, сидя на унитазе по утрам.

Общеизвестное и наиболее распространенное название этого питательного вещества – палс. Как обычно бывает, кто первый успел зарегистрировать свой патентованный бренд и раскрутить его, тот и снял сливки. Впрочем, и старички, бывало, оказывались не у дел, когда новейшие мегакорпорации вырывались на корпус или два вперед, потратив чуть больше денег на вездесущую вездливую рекламу своих продуктов, разработав новый убойный вкус, овладев вниманием публики и инициативой. Эти гиганты, стремительно набравшие массу, старательно подводили под маркетинг научную базу, чтобы убедить потребителя в полезных свойствах именно своего продукта, опираясь на зачастую липовые исследования людей в белых халатах, как это случилось при выпуске первых электронных заменителей табака. Самые известные марки нового питания на сегодняшний день, пожалуй, «Палс Икс», «Джеммис», а ещё «Фреш палс», впоследствии просто «Фреш», ещё «Амальгам» и элитные марки вроде «Ниоба» – дорогие люксовые таблетки из премиальных ингредиентов с россыпью изысканных вкусов, по характеристикам ничем не отличающиеся от более дешевых аналогов, но... надо же как-то дурить голову людям побогаче.

Отовсюду в глаза начали бить новые лозунги: «Наш палс – всем палсам палс!», «Наш прайз-сцилла палс пойдет вам на пользу», «Америкэн палс – ощутите вкус Америки» – все эти бренды пробрались и заняли прочные места на рынке. Мастодонты вроде «Мака» и КФС такую крутую перестройку не пережили, потеряв все свои сети закусовых, персонал и капиталы, ну или вложив их в разработку новых, более дешевых палсов. Да, ресторанный бизнес тоже практически перестал существовать: многим пришлось переоборудовать имеющиеся помещения в бары и клубы, ведь пока не изобрели похожий на палс препарат, способный заменить воду... или виски... или вино... И воду нам еще ничем не заменили. Вот задача для будущих биоинженеров, – создать для тела прибуду, которая сможет преобразовывать молекулы кис-

лорода и водорода, витающие в воздухе, в воду для организма... Пожалуй, и такая перспектива уже не за горами. Так вот, к предмету нашей беседы. Как вы, должно быть, догадались, я работал на заводе, где в больших объемах производился палс под брендом L@rn. Наша продукция эстетически не так привлекательна, как западные аналоги, но какая, к чёрту, разница, как они выглядят: будь то прямоугольные коричневые плитки вместо аккуратных овальных беленьких ретардантов от отливавших лоском флагманов индустрии, вроде «Ниобы» (к слову, дочка купертиновского техногиганта, что вовремя переметнулся в новую сферу деятельности с энтузиазмом первооткрывателей), если в желудке все равно все перемешается, а вкусовые рецепторы обманываются точно такими же добавками, что и у якобы люксовых марок. Сам продукт дешёв, однако производители вынуждены платить роялти правообладателям технологии и кучу налогов государству, но финальному потребителю всё равно это обходится на порядок дешевле, чем долбаная готовка и покупка продуктов в специализированном супермаркете, которые, к слову, не так уж легко разыскать.

Ну и разумеется, не все люди поголовно пересели на палсы; остались те, кому показалось это невозможным и даже кошунственным, а сам палс – дьявольским изобретением, призванным поработить человека. Некоторые вступали в староедческие общины, ушедшие в глубину лесов, в хутора и деревеньки доформационного периода, с крестьянским сельским хозяйством. Такие люди, как правило, являлись сумасшедшими дегенератами и в невежественном тупоумии считали, что наш мир погряз в грязи и болотной тине нового времени, и стремились полностью избавиться от всего, что дает нам цивилизация, и жить жизнью первобытных людей – ну, типа, как там жили люди в XX веке... или XIX. Один чёрт. Некоторые страны, особенно отсталые, но, как правило, бедные и небольшие, также отказались от использования синтетических таблеток, продолжая подстегивать свое сельское хозяйство. А еще всякие богатые хлыщии вроде Родерика Татьяна не питаются таблетками, а жрут стейки из лососятины и рибав или печеных куропаток, как встарь. Тем не менее, если не принимать в расчёт эти многочисленные исключения из правил, весь мир перешёл на чёртовы палсы как миленький, ибо это безоговорочно удобно: слопал таблеточку, и ты больше не думаешь о жратве, тебе не нужно садиться за стол, раскладывать приборы, мыть посуду, не нужно жевать, пережёвывать, чёрт возьми, готовить еду, ждать, пока она сварится, прожарится как следует. Удобно? Ещё бы не удобно! Неслыханная экономия жизни и полезного пространства. Кухни в старых квартирах перемонтировали в дополнительную спальню или под иные хозяйственные нужды. Высвободившееся время и карманные ресурсы подстегнули потребление, инвестиционный рынок и всю онлайн-деятельность человечества, в особенности индустрию развлечений. Игры, вирт, обучающие курсы, киберспорт и цаца арт. Проклятье. Я снова отклонился от темы.

Пожалуй, пора вернуться к тому, с чего мы начали. С Роси. Сразу же вызвали скорую – в наше время нередки случаи, когда людей удается спасти даже с такими ужасными травмами, но здесь прибывшим врачам оставалось только констатировать смерть. Его накрыли фартуком, а потом упаковали в отливавший глянцевыми бликами пластиковый мешок и увезли в морг. Наверное, позвонили его жене и... Нам всем стало не по себе, словно гранит сердец прогрыз стальной червь сострадания. Уже через несколько минут уборщики отмыли его станок, и другой сменщик, незнакомый нам парень, продолжил его занятие. Мы тоже копошились за своими рабочими местами.

Во время перерыва мы сидели в подсобке с мужиками, пили чай и думали, а что теперь будет с нами. Подобный инцидент произошел уже второй раз за полгода. Предыдущий невезунчик часто появлялся на рабочем столе под действием препаратов определенного свойства, и из-за несоблюдения правил техники безопасности его руку затянуло под валик конвейера, раздробив кость в трех местах. Но его хоть сумели спасти и отправили на больничный. А вот Росе повезло меньше. А что будет с нами? Давно среди начальников цехов бродили слухи о том, что совет директоров якобы собирается модернизировать фабрику. Это значило сокращение

персонала и установку роботов, которые все выполняют ничем не хуже нас с вами, да что уж говорить, они все сделают и быстрее, и эффективнее нас. И тогда что станется с нами? Кто-то притащил фляжечку, и мы по очереди отхлебнули по крепкому глотку, помянуть усопшего. Мы обсудили политику и безработицу. Поговорили о Росе. Кто-то сказал, что мы государственная компания и увольнение нам, к счастью, не грозит... Кто-то припомнил, что когда-то в дни нашей молодости нашу многострадальную страну, только-только перенесшую крупнейший в истории распад, в народе обзывали грубым непечатным словечком «пиздоссия», чтобы подчеркнуть разруху и упадок, наступившие во время становления формации... Не очень уважительное название для нашей страны, согласен, но мы поистине потеряли к ней всяческий пиетет.

Знаете, таблетки, что мы производили в том цеху, рассасывались на языке со вкусом дыни. Бывало, я подтибривал их украдкой и уносил с собой по несколько штук в подошвах ботинок – туда не заглядывали контролёры на выходе. Да, они недорогие, но дело не в деньгах, и воровство – у нас в крови, мы же по-другому не умеем. Мы все там патологические клептоманы. Я накопил этих палсов ради экономии столько, что на целый год жизни хватит, – толком не знаю, для чего, наверное, на случай глобального катаклизма (почитаешь новости, так над нашим миром вечно дамкловым мечом нависает угроза неотвратимой катастрофы), и превратил накопление таблеток в целый ритуал, тщательно скрываемый от семьи: перед тем как зайти в квартиру, я спускался через вход в подъезд в подвал, где у нас в конце тёмного коридора, освещённого одной-единственной тусклой лампочкой, располагался семейный погреб: там мы сваливали всевозможный хлам, и среди кучи разнообразной ветоши хранилась особая коробочка из-под обуви, где я и собирал свое сомнительное сокровище. Запах плесени щекотал ноздри; подошвами ботинок ощущались неровности земляного пола. Покончив с пополнением запасов, я поднимался пешком по вонючей лестнице на четвертый этаж в свою квартиру. Так случилось и в тот вечер, точнее, ночь. Все уже мирно сопели на своих кроватях, подмяв под себя одеяла.

Мы жили вчетвером, чтоб вы понимали. Я, моя супруга Клара (я называл ее просто Оливка – когда у нас случилось первое свидание, мы пили мартини с оливками) и двое детей, Рафаэлло и Лайла. Ну, я зашёл в квартиру. Прямо от двери – тёмный коридор: в конце его объединённая ванная с туалетом, а по обе стороны от него две двери: одна в детскую, другая в зал, где обычно мы с Оливкой спали; ещё в одной комнате никто не жил, и мы устроили там гардеробную. Почему-то пахло сыростью, и я никак не мог понять, откуда берётся этот затхлый душок: на выходных надо будет все проветрить как следует и тщательно осмотреть сантехнику. В потёмках, стараясь не шуметь, пробрался на кухню и, прокладывая путь к настенному шкафу, задел табуретку, и та, прокарябав напольное покрытие, бахнула седушкой о ножку стола. Тихонечко, ну, шёпотом прямо, матюгнулся, достал из навесного шкафа пузатый сосуд с водочкой, налил себе от души в стакан: только отхлебнуть собрался, как из ниоткуда возникла Кларочка, хмурая, как осенняя грозовая туча: разбудил я её, стало быть, нечаянным грохотом.

– Квасишь уже, – заявляет она мне этак сурово.

– А что, – говорю, – имею полное право расслабиться после трудового дня.

– Устал, значит, – продолжает она сердито, стоя в дверях, сложив руки на груди.

– Ага... У нас на работе был на редкость собачий день...

– И поэтому надо обязательно нахерачиться? – Её пальцы начинают разминаться, барабанишь подушечками о костяшки, как бы демонстрируя, насколько разъярённой она становится.

– Слушай, ну чего ты заводишься сейчас? Время позднее ведь уже. – Я отхлёбываю полстакана и зажмуриваюсь: как сильно она дерёт горло, бьёт под дых ацетоновым духом!

– Что, хорошо тебе?

– Ах... нно... Давай тебе плесну маленько? Ну же, выпей со мной, расслабься.

– Ты просто... Бл... я даже не знаю, как выразить свое к тебе отвращение.

– Малыш, – я кривлю губы и складываю ладони на груди в просящем жесте. – Если мы сейчас начнём браниться, дети могут проснуться.

Я невозмутимо вливаю в желудок вторую половину стакана, ощущая, как содержимое его опять обжигает внутренности, но теперь уже мягче и много приятнее.

– Ты где опять шатался допоздна? – сомкнутые кулачки уже на пояснице, глаза ещё ярче сверкают.

– Разве докапываются до дорогого мужа после тяжёлого трудового дня?

– Дорогому мужу неплохо было бы проводить больше времени с семьёй! – Последнее слово было произнесено выше и крикливее, чем предыдущая часть фразы. – И ты по-прежнему не говоришь, где бродил до ночи.

– Да нигде я не бродил. У нас на заводе произошёл несчастный случай. Мы с мужиками немного посидели после работы, помянули бедолагу.

– Гонишь. Ты опять играл, сука, – продолжает она пилить меня. – Признавайся, сколько просрал на этот раз?

Бывало, раньше я действительно ввязывался в сомнительные занятия и проигрывал обидные суммы, и наши вечера с мужиками своей разнузданностью мало походили на степенные посиделки задумчивых флегматиков с изображений Сезанна, Луки Лейденского и Гуго Кауфмана. Но теперь-то я был чист!

– Алё! Ты вообще расслышала, что я сказал? – моё терпение не беспрельдно, и вот я уже кручу пальцем у виска. – Человек умер сегодня! Я мог оказаться на его месте!

Вместо того чтобы продолжать свои злобные нападки, она отцепила от плеча свой ком, молча поднесла к моему плечу и, пока она изучала последние часы моей жизни, нетерпеливо перематывая нудные моменты или когда я ходил в туалет, историю звонков и запросов и выжимку из сетевых запросов, я невооружённым глазом разглядывал свою Кларочку. Её глаза всё ещё гневно пылали во мраке. Растрепанные, давно невымытые волосы топорщились во все стороны. Мятая сорочка, покатые плечи. Хотелось прижать её к себе и погладить, поцеловать в шею. Но я знал, что, пока она в такой ярости, лучше не приближаться, от греха подальше...

– Не вздумай лезть ко мне сегодня, я спать хочу! Можешь отправляться хоть в свой чертов подвал ночевать. Свин.

И с этими словами она захлопнула дверь на кухню с обратной стороны и удалилась. Я остался один за столом, глядя в пустой стакан. Потом расстелил раскладушку, разделся и разлёгся на ней, выпил очередную питательную таблетку, поставил будильник и, считая конструктивистские концентрические круги, расплывающиеся на подложке одурманенного алкоголем сознания, попытался уснуть. Почему-то никак не удавалось унять свой мозг, и сон сторонился меня. То хотелось в туалет, то назойливые и тревожные мысли одолевали меня, лишая покоя. Лишь под утро, спустя часа три после первых попыток, мне удалось задремать, а вскоре и утопиться во сне; но, как показалось, не успел я вкушать полноценно сладости безмятежного отдыха, как громкое и неотвратимое треньканье будильника выдернуло меня из нежной трясины небытия. Первым и самым сильным импульсом было раздолбать ком на квантовые частицы, но это требовало определенных усилий, что все равно привело бы к пробуждению. Поэтому пришлось покорно подниматься, умываться и собираться на работу.

Скрипучая дверь подъезда поддалась не сразу, и пришлось приложить усилия, чтобы заставить ее приоткрыться: я едва не вывалился наружу, когда она наконец соизволила отвориться: асфальтовая дорожка перед крыльцом обледенела, и приходилось балансировать на непослушных ногах, раскорячив одеревеневшие конечности в разные стороны, чтобы не грохнуться оземь. С глухим стуком дверь захлопнулась за мною, подтянутая к электромагнитам в косяке пружинной доводчика. Я осмотрел серую улицу: в глубине её укрывались зябким рассветом клочки тумана, засасывавшие многоэтажные человеиники на горизонте в неяс-

ный водоворот. Граждане ещё прятались по своим жилым ячейкам, досматривая последние сны, и только в мусорке рылся бомж, безнадежно выискивая в бесполезном хламе что-нибудь стоящее. С тех пор, как органические отбросы из-за отсутствия еды практически стали редкостью, отовсюду повывезали предприятия, специализирующиеся на повторной переработке твердых бытовых отходов, которые стало значительно проще утилизировать и находить им последующее применение, раз они не измазаны в дерьме. В нашем городе почти все микрорайоны уже давно были подключены к системе вакуумных труб, ведущих к ЦМПЗ, а в новых домах избавление от мусора стало довольно простым делом: как правило, в прихожей возле входа в стене располагается закрытое маленькой круглой дверцей отверстие, куда просто вываливаешь в измельченном виде все, что тебе не нужно, и остатки твоего мусора, будь то дырявые трусы или пластиковые бутылки, втягивает внутрь, а дальше автоматика распределяет ошметки твоих бывших вещей по дальнейшим резервуарам и субсистемам, смотря под какую категорию он попадает. И только наш район, один из наиболее отсталых, до сих пор не пользуется благами цивилизации, а жители, подобно скоту, вынуждены мириться с такими вот помойками, открытыми с трёх сторон профлистами.

Невольно вздохнув от осознания социальной несправедливости, я зашагал в сторону остановки. Воздух вытягивался струйками пара из ноздрей; морозец слегка надоедливо щипал щёки, напоминая о времени года. Голые ветки плетью висели обречённо вдоль искривленных, будто от последствий полиомиелита, стволов. Серые старые панельки, выстроенные в неровную шеренгу по сторонам от хмурой улицы, с разводами и пятнами отвалившейся штукатурки на кислых фасадах похмельно провожали меня взглядами чёрных окон: наш район ещё, видимо, нескоро коснётся программа генеральной реконструкции. Над пустой дорогой супергеройской тенью пронёсся полицейский дрон. Мои подошвы шаркали по асфальту; ладони, сжатые в фиги, грелись в кармане. На остановке сидела женщина средних лет, погруженная в свои мысли, а чуть сбоку парил из карманной свистелки подросток лет семнадцати с квадратной челюстью, едва заметно покачивая прямоугольной головой в такт музыке, что звучала у него в голове. Последний ждал городской транспорт после ночи у подруги, ежу понятно, а женщина, вероятно, вахту, как и я, – кажется, я уже встречал её тут. Подкатил электробус без водителя. Небольшой экран возле входа в салон потребовал поглядеть в датчик опознавания сетчатки глаз. Я пропустил женщину, потом забрался внутрь сам. Автобус плавно отчалил от остановки, ровно и без тряски двигаясь по дороге. Парень продолжал покачивать подбородком на краю бетонной площадки, не глядя на нас. Дороги мы так и не научились строить нормальные – так хоть импортные шины да подвеска нового поколения незаметно для пассажиров поглощают неровности и кочки. Я опустил свой зад на ближайшее кресло и, зевнув, прикрыл глаза, чтобы, пока автобус едет, не видеть эту сплошную мёрзлую серость.

Монолог второй

В мире ничего не берётся из ниоткуда, как я уже имел наглость сбанальничать. Второй закон термодинамики распространяется и на политические коллизии, и на исторические кардиограммы, разветвляющиеся от решений значимых людей. Причины настоящего кромешного тарарама выкладывались многоходовочками предыдущей власти на протяжении первых четырёх десятилетий нынешнего века упорным курсом собственного, особого тернистого пути: вместо того чтобы предпринять усилия помириться с окружающей нашу страну планетой и перенять те многочисленные прогрессивные тенденции, что можно было еще попытаться внедрить на родине эффективными реформами, мы тащили сизифов камень по крутой тропе под презрительными взглядами соседей. У нас своя дорога, заявляли кормчие, повторяя слово в слово бредовые выкладки мямлющего старца, ведшего свой одурманенный народ, сплошь состоявший из леммингов, за трелями гамельнской дудочки куда-то вспять, во времена второй половины века XX, наверное, а может, и еще раньше, пережевывая в сотысячный раз изъеденные молью и покрывшиеся патиной сентенции лысого дедушки, лежащего ныне, подобно пушкинской царевне, в хрустальном гробу в Историческом музее. Мы покорным стадом баранов, численностью в полтора десятка миллионов голов, молчаливо следовали по коридору из железных прутьев в воняющие навозом хлева, питаться протухшим сеном и пить мыльную воду, и лопали с удвоенным энтузиазмом, радуясь хотя бы этому; пастухи, вооруженные автоматическими карабинами, завёрнутые в броню, с грозными касками на очищенных от лишних мыслей головах, охраняли нас по периметру загона. Попробуешь рыпнуться, и в черепашке образуется аккуратненькая дырочка, и парнокопытные коллеги по стаду пройдутся по тебе, затаптывая в грязь твоё серебристое руно.

Так и бредём строем по особому пути...

Император пытался обмануть смерть. Доктора разрабатывали методики продления его жизни. Предлагали даже пересадить голову на более молодое тело. Но исход операции был неизвестен: технология до сих пор оставалась необкатанной у нас, а за рубежом он рисковать здоровьем не желал, опасаясь покушения, и становиться доктором Доэулем тоже не собирался, и в конце концов отказался от пересадки. Его кормили простоквашкой и кашами из злаков в сочетании с умеренными физическими нагрузками, а отнимавшие столько времени и сил обязанности передали премьер-министру. Когда в 44-м году лидер нации перешёл из состояния здравствующих в мир усопших, люди, особенно пожилые, прожившие большую часть отпущенного им срока при бесконечных потоках его искромётной лжи, искренне радовались сквозь показушные слёзы мнимой печали. Однако смерть предводителя геронтократической шайки еще не означала никаких изменений для черни вроде меня: его заместитель счёл себя достаточно зрелым, чтобы принять бразды правления в свои цепкие руки. Однако изменения пришли с неотвратимостью рока. Его собратья по цеху, из той же партии, решительно подключились к битве за корону и жирные придворные синекуры. И к тому же поднялось бурление со дна придавленной сильным ногтем представители оппозиции, что сообразила воспрянуть в такой момент и предпринять упускаемые на протяжении всех предыдущих десятилетий возможности захватить власть и устроить очередную попытку революции. В отличие от вялых беспомощных акций начала века, завязались столкновения всяких противодействующих сил и нешуточная политическая потасовка. В воздухе витали идеи, как обустроить жизнь. Кто-то призывал повернуть к Западу, кто-то предлагал повернуть на Восток. Но Восток сам повернулся к нам, почувствовав ослабление элит и номенклатуры в окруженном кирпичной стеной сердце соседа. Коварно и хладнокровно вынашивая планы интервенции и мгновенного захвата земель, потомки идеологии Мао стремились по-быстрому сколотить Великую Китайскую Империю. Набросали план, генералам в хаки поручили выполнение. В недельный срок

Китай оккупировал Монголию, вторгся в Приморье и захватил контроль над крупнейшими городами Восточной Сибири и Чукотки, развертывая наступление до самого Ледовитого океана и на Запад. Кабинет обороны тут же отправил несколько эшелонов отбивать атаку, но наши силы были отброшены назад: враг хорошо подготовился, зайдя со стороны, куда не приходило в голову вторгаться их предшественникам. Они учли всё: наступающие морозы, слабые места. Им требовались ресурсы и много земли, где можно будет и дальше развиваться: к тому времени Китай окончательно превратился в экономику номер один в мире и глубоко распространил геополитическое влияние по всей Азии. Им не требовалось водружать красный флаг над Кремлем, рассудив здраво: Европе – Европеево, Азии – Азиево. Довольно и азиатской части России – к чему тратить ресурсы на взятие Москвы, которую будут оборонять из последних сил? Первоначально они планировали лишь ограничиться сладким кусочком Приморья и Камчатки, но сибиряки сами заявили об отделении и пожелали стать китайской провинцией, надеясь, что их положение улучшится, когда они вольются в ВКИ. Ну а дальше вы и сами можете легко всё представить. Саудиты, объединившись с азербайджанцами, отхватили Юг и оттяпали Чечню, Дагестан, Краснодарский край, Ростовскую область, Ставрополье, а заодно и большую часть Армении, и Север Грузии... Вслед за тем Украина вероломным и ударным наступлением аннексировала бывшую провинцию Крым. Сепаратистски настроенные татары и башкиры на этой волне объединились в татаро-башкирскую республику и заявили о полном суверенитете, провозгласив независимое от центра самоуправление, угрожая открытием границ узкоглазым с востока. Мы не успевали отправлять войска во все стороны, и нас били по всем фронтам. И никакие ядерные запасы не сыграли особенной роли, когда весь мир ополчился против нас, ведь вооружение устарело, а танки обречённо проржавели. Правительство показало себя беспомощным и никчёмным сборищем сморщенных сморчков без яиц, не способных даже остановить распад страны.

Когда дым от пожаров и боёв рассеялся, вопрос о территориальном устройстве Новой России был полностью улажен. Все, что осталось от принадлежавших нам некогда бескрайних пространств и угодий, теперь укладывалось в границы формации, начинавшихся от Астрахани и Волгограда на юго-востоке: выше тянулась Самарская область, Чувашия, Кировская губерния, пока эта часть родины не заканчивалась на Дальнем Севере у поселка с символическим названием Мгла: на Западе и Севере все осталось без изменений, даже на Калининградскую область никто не позарился. В общем, буря утихла, и с тех пор прошла уже половина человеческой жизни: в описываемые времена я был маленьким мальчиком, плохо соображавшим, что происходит вокруг: у меня-то всё шло прекрасно: сияло солнце, детство играло яркими красками. А во главе государства встала новая шайка проходимцев-патрициев, продолжавшая набивать свои карманы, а не заботиться о плебейх. Новый президент даже чем-то походил на старого, такой же невысокий, лысенький, но он был гораздо более обрюзгший и коренастый: бульдожьих щеки, круглые очки, толстые пальчики: в народе его сразу же прозвали Пончиком. Мы, я подразумеваю простой народ, продолжали жить так же убого, как раньше, и я не планирую подробно останавливаться на этом, а если и распространяться на тему уровня жизни рядового человека, – послушайте, мы же не знаем, как можно жить по-другому. Да и не думаю, что раньше могло быть сильно лучше. Напротив, убежден, что технический прогресс таки облегчил жизнь каждого индивидуума (если раньше позволить себе жизнь во дворце могли лишь редкостные вельможи, то теперь каждый мог возвести себе какие угодно распрекрасные цифровые чертоги). Что там у других, более развитых цивилизаций? Вы знаете? Я – нет. То есть мы, конечно же, представляем, что у этих, на Западе, наверное, всё благороднее и благополучнее, чем у нас, всё чинно и опрятно, но туда – нам не по пути, это таинственное нечто мы не шупали и не ведаем, каково оно на вкус. Для нас норма – суровая «Красная пустыня», наши женщины – реинкарнации Моники Витти, наши индустриальные пейзажи всё ещё напоминают открытки Стивена Лоури и кубистические экзерсисы Фернана Леже (эти художники

порой подозрительно далеко и прозрительно глубоко могли заглянуть в будущее, подковырнув своё унылое настоящее). Нашему очередному несменному лидеру, пожалуй, удалось то, к чему он стремился: сделать настоящее продолжением прошлого и его вымученным воплощением в соответствии с госпланом. Вообразить иное будущее нам недоставало воображения. Зато виртуальная реальность увела нас в цветной мир зыбких миражей. Так мы перестали замечать разруху и привыкли жить в безликих, клонированных утилитарной насмешкой архитекторов-троллей крысиных клетках с треснувшими фасадами из дешёвой облицовочной плитки, с ржавыми подтёками по швам или выцветшей посеревшей штукатуркой.

Автобус подкатил к заводу, и все пассажиры гуськом поплелись к раскрытым дверям. Кто-то потряс меня за плечо, и я обнаружил, что проспал целых двадцать минут и теперь чувствовал себя намного лучше. Пашкевич, который и разбудил меня, семенил впереди, бурча про себя: он вечно казался недовольным и постоянно выражал разочарование жизнью, словно грустный арлекин с полотна Пикассо. Толпа втекала через главную проходную двумя тонкими очередями: мальчики налево, девочки направо: всем приходилось на пару мгновений останавливаться перед считывателями сетчатки глаз: идентифицировав личность, поручни раскрывались, пропускали тебя и тут же грубо замыкались перед следующим, и процедура повторялась.

Полагаю, каких-то пятьдесят лет тому назад люди проживали свои жизни в страшных мучениях и в чудовищном издевательстве со стороны властей. Не существовало электронных определителей личности по радужке глаз, а документы приходилось хранить на бумажных или пластиковых носителях в надёжном месте, чтобы не дай боже потерять их. Деньги, и те печатались на бумаге и хранились в наличке или на пластиковых картах. Вспоминаются всякие истории из начал века о мошенничестве и воровстве с этих карт. Правда, частично средства можно было хранить и в цифре, но аналоговые носители все ещё сохраняли решающее значение. Портативные устройства для коммуникации представляли из себя неудобные брусочки, что приходилось таскать в кармане и постоянно подзаряжать, и весили они как кирпич, а информация проецировалась на крошечные пяти или шестидюймовые экранчики – и что ты там разглядишь, на этом убожестве? Современные комы легкие, незаметные, мощные и, как правило, носятся на ремешке: главное, чтобы одной стороной встроенные датчики касались кожи, и тогда все необходимые тебе данные будут отображаться прямо в мозгу, передавая информацию через сеть капилляров или нервы: долой мониторы, компьютеры и электроды: людям творческих профессий стало намного проще работать и отправлять информацию в Сеть. Появилось много разных моделей комов, кому что нравится; одни предпочитали их в виде часов, другие в виде очков, браслетов; их вшивали под кожу, изготавливали в форме вибраторов. Многие девушки и женщины вставляли их в промежность, чтобы заводиться и кончать при любой подходящей возможности; особенно похотливые покупали второй, подсоединяли к первому и вставляли в другой проход, чтобы испытывать двойную эйфорию от постоянного возбуждения и оргазмов. Некоторые мужчины тоже пользовались ими для сексуальных утех. Но я не из таких: мне как-то больше по душе реальную бабу щупать, чем витать в виртуальных эротических эманациях озабоченного, как никогда раньше в истории, человечества. Работали и подзаряжались комы от тепла человеческого тела – привет литий-ионным аккумуляторам! А что произошло с Интернетом и как он трансформировался к нашему времени – в этом вы и сами по ходу дела разберётесь, иначе мой теперешний рассказ растянется слишком надолго. Остается добавить лишь, что комы записывали звук, изображение из глаз, историю просмотров и запросов, все действия человека в облачные сервера, согласно правительственному постановлению о работе и фиксации, и запись шла с момента установки кома до его фактического выключения непрерывным потоком. Эти данные хранились в бездонных информационных колодцах, принадлежавшим государственным или частным компаниям. В нашей стране все они, разумеется, подчинялись правительству. Файлы хранились в течение 30 лет, а потом могли

стираться по желанию пользователя, или вы сами с помощью особой программы могли отсортировать данные и оставить наиболее ценные воспоминания для потомков. Да, чем-то напоминает древний фильм на эту тему, со стариной Робинотом, «Окончательный монтаж». Вы можете возразить, мол, такое чипирование делает всю жизнь прозрачной, и возмутиться: как существовать в мире, где нет приватности, и в чём-то будете правы. Кто угодно за определенную плату мог вломиться в твою жизнь и накопать гору компромата на тебя, выуживая наиболее нелицеприятные вещи, например, когда ты трахаешься, или срёшь, или блюешь, или пердишь в публичном месте, или ковыряешься в носу, вытягивая из него козьявки, или моешься в душе: чёрт возьми, этого животного дерьма и клейких жидкостей в нас всё еще будь здоров. На самом деле всё обстояло не совсем так: распространять такой компромат без ведома владельца контента было трудно, поскольку общество порицало подобную практику, и правительства многих стран вынуждали компании-провайдеры внедрять алгоритмы, позволяющие замыливать те или иные действия, что являлись компрометирующими, демонстрировали аморальное поведение, обнажёнку, насилие или просто шокировали. Кроме того, каждый понимал, что круглосуточно находится под колпаком полиции, а подобные ей государственные службы могли в любой момент увидеть и узнать, что творится в твоей голове, чем ты занимался и чуть ли не о чём думал на протяжении последних дней, месяцев и даже лет... Чёрт, да всем стало просто плевать. Когда все друг за другом могут наблюдать, паноптикум перестает быть паноптикумом. Общество программировало само себя на открытый и в то же время более пристойный образ жизни. Стали появляться люди, с малых лет жившие с этой системой: у них не было другого выбора или понятия, что можно существовать как-то иначе... И у такого полномасштабного внедрения в человеческое сознание с помощью технологий есть, пожалуй, другое, наиболее ценное свойство: зная, что за тобой постоянно следит Большой Брат, человеку становится всё труднее заниматься преступлениями и проворачивать тёмные делишки: 99,9 процентов населения осознанно отказывались от противозаконных действий в пользу послушания кодексам: уголовного, гражданского, трудового, нравственного. Человеческого, в конце концов. Мы всё дальше уходили от приматов и всё ближе следовали к коллективному разуму, ну, или обидлялись до состояния стада баранов – есть и такая точка зрения на изменения, произошедшие с нами всеми, и она заслуживает рассмотрения, как и права на существование.

Что-то опять меня понесло неведомо куда, дражайшие. Я размышлял обо всем этом, пока переодевался и готовился к работе. Потом занял место у станка и приступил к исполнению служебных обязанностей. Не прошло и получаса, как меня позвали к начальнику цеха. Звали его Антон Сергеич, и ему уже исполнилось около 60 лет от роду. Хороший мужик, старой формации. Похож на столп общества с одноименной картины Георга Гросса. Он щеголял с серыми усами, седые волосы были зачесаны на правый бок плоским плавником. Он даже повязывал галстук, пожалуй, единственный на всём заводе. Заходя в кабинет, я увидел, что Сергеич сидел за столом и что-то выискивал на мониторе старого десктопного компьютера, с которого контролировал весь производственный процесс. Меня попросили прикрыть дверь.

– Здорово, начальник! Зачем звал? – спросил я.

– Присаживайся.

Он как бы нехотя пожал мою руку безвольной клешней. Выудил из-за пазухи пачку сигарет, поджёг одну из них и выдохнул облачко дыма. Сто лет не видел, как кто-нибудь курит.

– Что случилось, Антон Сергеич?

– Случилось то, что сверху пришло распоряжение о модернизации цеха. Завтра, нет, даже сегодня вечером придут новые роботы, и нам велено сократить часть персонала и в кратчайшие сроки приступить к монтажу нового оборудования. Прости, но ты попадаешь под сокращение. С завтрашнего дня ты уже не работаешь у нас. В конце дня можешь получить в бухгалтерии полный расчёт. Рекомендую сразу же встать на учёт в центре занятости и подать заявление на пособие по безработице, пока будешь искать другую вакансию.

Ухмылка, игравшая в ту минуту на моих губах, моментально исчезла. То, как он поступил со мной, было в высшей степени человечно: обычно о том, что тебя увольняют, узнаёшь из сухого имейла, присланного в конце дня, и тебе даже ничего толком не объяснят: уволенного просто вынуждают забрать вещи из личного шкафчика, и можешь валить на все четыре стороны.

– Послушай, Сергеич, но у меня, чёрт возьми, дети... И жена! Чем я должен оплачивать коммунальные платежи? Чем кормить семью? Ты меня сейчас уволишь, а как мы будем дальше-то жить?

– У тебя жена работает? Работает. Ну, значит, первое время вы как-нибудь продержитесь. А потом просто найдешь себе другую работу. Не делай из этого трагедию.

– И куда я пойду? Ты знаешь, сколько мне лет?

– В таксисты можешь пойти. В слесари. Это востребованная профессия. Наведи справки на бирже труда, в конце концов. Полагаешь, я по собственной воле тут решил подсократить рабочий люд? Так меня самого могут сократить в любой момент. Поставят вместо меня компьютерную программу, которая будет управляться с роботами куда эффективнее Сергеича, и всё, тю-тю. – Начальник развёл руки в стороны, показывая наглядно, как это произойдёт.

Я выкатился из его кабинета, доработал до конца дня с угрюмым видом, никому ничего не сказав. Завтра они все вернутся за свои станки и даже не заметят моего исчезновения. Ну, Никита Пашкевич разве что может поинтересоваться, а остальным насрать. Кореша, тоже мне. Я сгрёб барахло из шкафчика в кучу и тут же всё выбросил: своего хлама набралось столько, что девать некуда. Напоследок вынес из цеха половину флакона: пусть ставят своих проклятых роботов. Роботы не станут воровать жратву... Перед уходом домой, не прощаясь с ребятами, заглянул в бухгалтерию, где сверился с наработанными за месяц часами, а они удостоверились, что нет штрафов, и перевели на мой счёт полагающуюся сумму: 35 000 дублей – на такие деньги не разгуляешься. Закончатся за пару недель самого скромного существования. Чернее тучи, вернулся в цех, окинул взглядом помещение, где потерял десять лет своей жизни, погладил свой шершавый, весь в царапинах, устаревший станок, просившийся на покой, и через проходную вышел вон одним из последних. Мощные качки в серых униформах заносили внутрь новое оборудование в картонных коробках, и всё внимание охранников было обращено к этим молодчикам, и никому в голову не пришло меня досматривать: так я проскользнул незамеченным.

Морозец крепчал. За день выпал снежок, и дворник чистил обочины и тротуар, но только возле ворот завода. Свинцовое небо висело низко и грозно. Уличные фонари выстроились в нахохлившуюся цепочку пухлых кур и подмигивали мне оранжевыми глазками по ходу приближения к ним. Вахтенный автобус уже уехал, и пришлось топтать до дома пешком. Это займет около часа: жаль, я не ездил на работу на велосипеде, как некоторые коллеги, а предпочитал исключительно фабричный транспорт. Это последняя шутка, что сыграл со мной завод. Меня исключили из рабочего состава. Даже если по какой-то прихоти завтра мне вздумается явиться сюда с утренней сменой, поручни проходной не раскроются передо мной, ведь сканеры радужки уже не узнают мои глаза.

В ушах раздался звонок от жены. Наверняка ей уже всё известно! Вот чёрт! Сожрёт с потрохами. До чего можно быть стервой! Пришлось ответить.

– Привет! – произнесла она довольно бодро; фоном я слышал, как рядом возятся дети: наверняка делали уроки и приводили в порядок выводы по каким-нибудь задачкам. – Как ты там?

– Да так...

– Ты идешь домой?

– Знаешь ведь, что да.

– Угу. Тебе бы просить доплату за сверхурочные. Напиши своему начальству, пусть доплачивают за дополнительное время, раз из-за них тебе приходится задерживаться.

Ещё не знает. Какое облегчение.

– Хотела попросить, чтобы ты хоть сегодня никуда не сворачивал по пути. И не вздумай играть! Дети заждались тебя совсем. Они вчера спрашивали: почему папа все время работает? Я вроде тоже вкалываю, между прочим, но никогда не задерживаюсь допоздна, как некоторые! Ну всё, мы ждем тебя. Пока!

Я шагал по обочине, сочиняя про себя объяснения своего бедственного положения, подыскивал слова, выгораживающие меня. Пытался представить, куда пойти дальше, и ничего не мог придумать. Одно хорошо: хоть будет несколько дней передышки. Представил, как она станет плакать и горевать, ломая себе руки, и причитать, за что ей такой горемычный муж, – так она делала при любом удобном случае. Я шагал, повесив голову. Мимо проносились редкие электромобили.

Пока я иду, а окружающий пейзаж ничего интересного из себя не представляет, тут вам, пожалуй, любопытно будет узнать, кто я, собственно, таков? О, я представитель людской фауны, настолько посредственный, настолько обычный, что даже неловко. Я далёк от лучших представителей рода человеческого до такой степени, что, пожалуй, мышь ближе по физическому развитию к орлу. Что же, пора представиться, пожалуй? У меня старославянское имя – Милен Хрумин. Пригожим летним днём за четыре месяца до описываемых событий мне стукнул сорок один год. Всю свою раздолбанную жизнь я прокантовался в этом зачуханном городе. Не стану даже произносить его название, чтобы не навеять тоску лишний раз. Подпишем его городом N, переняв традиции старинных русских прозаиков столетия XIX. Население у нас около ста тыщ человек, и большинство из живущих сталкивалось друг с другом на улице не по одному разу за год. Раз уж говорим о моей жизни, мне придется упомянуть и о нововведениях в образовании. Они уже вошли в нашу жизнь, когда я родился: образование стало полностью бесплатным, даже для обучающихся в высших учебных заведениях. Школы упразднили, и ходить на уроки стало необязательным. Дети получали знания и навыки благодаря обучающим программам, одобренным Министерством образования, функционирующим при помощи комов. Но чтобы жизнь мёдом не казалась, детям приходится закреплять знания с помощью практических занятий – и тут уж родители поневоле вынуждены подключаться к процессу, контролировать чад и подсказывать им. Считалось, что таким образом можно определить, чем он захочет заниматься в зрелости. Проблема в том, что немногие могли понять, для чего они созданы, вплоть до старости. А даже в старости человек мог сменить множество видов деятельности и не найти себя. За свою молодость обеспеченный человек мог пройти курсы нескольких престижных университетов. Комы упростили приём и потребление полезных и не очень знаний настолько, что для любого представителя нынешнего поколения, если он, конечно, не слабоумный, выиграть главный приз, допустим, в псевдоинтеллектуальной викторине вроде «Как стать миллионером», проще пареной репы. Спросите меня сейчас, в каком году Моцарт написал «40-ю симфонию» или сколько братьев было у Льва Толстого, как их звали и чем они все занимались при жизни – ответу вам без запинки. Все семь частей нетленного романа Пруста, «Илиада» Гомера и даже «Улисс» Джойса при желании могут быть прочитаны за секунды, и программа аналитической обработки литературных сведений мгновенно поможет выдать выжимку фабулы и главные идеи, заложенные в том или ином произведении. Вся библиотека мира, от древних греков, римлян, славян и до Хлебникова и Жупелова, испекающих по роману каждые три месяца, у меня в мозгу. На новых авторов можно оформить подписку, старые – бонусом. Хочешь нарисовать химическую формулу ибупрофена или, еще лучше, воссоздать её трёхмерную модель? В эту же секунду все кружочки и многоугольнички с ответвлениями в нужных местах сразу же вырисовываются в голове. Основные формулы уравнений вероятностной математики? Без проблем – всё, что пожелаешь. Вообразите этот массив данных,

хранящихся, фигурально выражаясь, в оперативной памяти каждого из нас благодаря комам. Стоит подумать о чём-то – и ответ уже на языке. Но сдать экзамены практически! И получить диплом – такая задача была слишком многим не по зубам ввиду невыносимой, невозможной, нестерпимой дороговизны самой процедуры, а не по причине сложности (большую часть средств учебным заведениям приходилось переводить в госбюджет, и ими государство наполняло казну). Накопление и вкладывание денег в это мероприятие стало смыслом жизни многих родителей со средним и низким достатком. Цифра уравнила всех людей в способностях оперировать легкодоступной информацией; но богатым людям по-прежнему требовалось как-то выделяться из общей массы и заявлять о своей привилегированности, вот общество людей с деньгами и придумало этакий регулятор: да, твои способности могут быть великолепными, но без диплома, заверенного блокчейном престижного университета, двери в королевство обеспеченных и довольных жизнью людей не откроются. Поэтому многим из нас приходилось прозябать на задворках цивилизации. Так случилось и со мной. Денег, накопленных моими родителями, хватило лишь на сдачу окончания курсов в небольшом второсортном техникуме, и я получил низкооплачиваемую специальность. После восемнадцати я начал вкалывать в автомастерской и сменил несколько частных контор, зарабатывая кое-какие гроши то разнорабочим, то автослесарем, то водителем, и некую сумму даже удалось отложить на счёт в банке. Дело шло к тридцатнику. Спроси меня сейчас, чем именно я занимался всё это время, и мне будет непросто ответить. Однажды на вечеринке у друзей встретил Клару. До этого дня с девушками у меня не очень ладилось, а с нею отчего-то пошло как по маслу: мы быстро нашли общий язык и влюбились друг в друга, и через пару месяцев уже стали жить вместе, а потом и поженились. Она моментально понесла, и вскоре я стал отцом. Мы взяли нынешнюю квартиру в долгосрочную ипотеку (к описываемому дню мы её, к счастью, погасили), и это, пожалуй, наше наиболее значительное достижение за десять лет совместной жизни. Сначала родилась Лайла. Вскоре после этого Клара забеременела Рафаэлло, и мы оба понимали, что потребуется определенный прогресс, чтобы обеспечить детей достойным образованием, чтобы им не пришлось, подобно нам самим, влачить жалкое существование в нищете. Пришлось покопаться по сусекам, выскрести все наличные средства. Пришлось взять ссуду в банке. Тогда я смог сдать ещё один технический экзамен и поступить в L@rn на службу, чтобы увеличить доход семьи. Там я проработал четвертую часть жизни. Мы взяли за правило откладывать минимум шестую часть зарплаты на покупку диплома для детей. И снова, если вы спросите, как именно прошли десять лет семейной жизни, то я с трудом вспомню даже два-три примечательных случая, настолько серо и однообразно промелькнули они мимо меня.

Вот я и добрался до своей пятиэтажки на окраине города. Спустился по обыкновению в подвал, припрятал вынесенный с завода палс в заветной коробке от обуви. Доковылял пешком до двери своей квартиры. Постоял немного у порога, вздохнул. Электронный замок считал изображение с радужки и открыл дверь, осталось только чуть-чуть подтолкнуть её. Ступил за порог, снял ботинки. Жена тут же возникла перед моим лицом, будто ожидала, пока я войду. Она молча расстреляла меня молниями из глаз, покачала головой, потом отправилась в ванную, вынимать постиранное бельё из машинки. Вероятно, всё узнала. Дети резались в какую-то очередную виртуальную игру с ожесточением юных маньяков. Я заглянул в их комнату. Они даже не обратили внимания на меня. Пожелал им доброго вечера. Реакции никакой.

– Привеет! – повысил я голос.

– Привет, пап! – хором выпалили отпрыски, на миг поглядев в мою сторону, и тут же вернулись к своей забаве.

Я закрыл за собой дверь, прошлепал босыми ступнями на кухню, потянулся к навесному шкафчику, но вместо бутылки внутри гудела тугая, словно набитая опилками, пустота.

– Снадобье свое ищешь? – услышал я женин голос за спиной. – Ничего не хочешь мне рассказать?

Я обернулся и в недоумении развёл руками.

– Клара, я ведь всегда старался для вас, – попытался я переманить женщину на свою сторону. – Работал не покладая рук. Я пахал на них целых десять лет.

– Что ты натворил, Милен? – в её непоколебимом голосе звучали стальные нотки злости и разочарования. – Когда человек столько отработал на компанию, обычно его не вышвыривают за дверь, как шелудивого пса. Что ты натворил? Или сказал им. Щей навалил, как обычно?

Попытка проваливалась на глазах.

– Ты не поверишь, они модернизируют оборудование. Теперь меня заменят на машину. Просто не повезло. Прости.

– Не повезло мне с таким мужем... – она опустила на стул передо мной, глядя в пустоту.

Вот так захочешь от человека сочувствия – а она будет только пилить, пилить, расчлняя плоть до удобожевательных кусочков во имя победившего внутрисемейного каннибализма.

– Не переживай, Оливка, – продолжал я успокаивать ее, глупо разводя ладонями. – Я сейчас же начну искать новую работу. И найду. Буду зарабатывать в два раза больше, чем сейчас. Увидишь! Вот заживём... Построим дом наконец.

Помимо денег на дипломы детям я уже давно откладывал крохи на свой дом. Иногда мне везло в карты, и к скопленной сумме добавлялись еще циферки. Иногда оттуда же приходилось забирать, чтобы оплатить долг. Я уже присмотрел проект фахверкового дома с большими панорамными окнами с остеклением по периметру: просторный и светлый. Недорогой и стильный дом. И район, где приобретать землю для строительства, присмотрел. Дело осталось за малым: заполучить нужную сумму денег и разместить заказ у строительной компании.

– И где ты думаешь найти такую работу? Кому ты теперь нужен? Ты же старый. Слушай, дорогуша, – Клара опустила глаза, теребя край юбки. – Нам придётся какое-то время жить на мою зарплату, но это не значит, что ты теперь можешь целыми днями протирать домашние штаны в кресле, попивая пиво и ничего не делая.

– Я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Соберусь с мыслями. Может быть, что-нибудь придумаю. А знаешь, начну-ка я поиски новой работы прямо сейчас. Приду обратно попозже, лады?

– Если вернешься пьяный, я тебя на порог не пущу, так и знай. Можешь сразу подыскать себе место для ночлега на этот случай, – в её глазах проклёвывались ростки гнева.

Я не знал, что ответить, и глядел на неё с миксом взаимоисключающих чувств: были в этом коктейле и нежность, и презрение, и облегчение, и тревога, и много чего еще. Я поднялся со стула и двинулся к двери.

– С чего начнёшь? – спросила она, когда я выходил в подъезд.

– Спрошу у Димки, чтобы свёл меня с этими ребятами из «Рустикса». Наверняка у них найдётся какая-нибудь работёнка.

– Они же промышляют крадеными авто. – Клара ещё сильнее нахмурилась. – Они заставят тебя перебивать номера, подделывать данные. К таким попадешь, потом вовек не отмоешься от дерьма. Держись от них подальше. Сходи завтра утром на биржу, встань в очередь. Напиши заявление на пособие по безработице. Со временем найдётся какая-нибудь достойная вакансия.

Она слово в слово повторяла слова Сергеича.

– Спокойно, это всего лишь автомойка. Устроюсь на первое время машины мыть, а дальше видно будет. Я загляну к Димычу, спрошу, что он думает об этом. Может, сегодня же и запишет меня к ним на собеседование, скажем.

– Ладно, я позвоню позже, узнать, как дела. Ты принимал палс вечером?

– Ага. Не волнуйся. Всё образуется. Как сказал мой бывший босс, трагедии не произошло. Пока, мать. Не расстраивайся.

С этими словами я спустился на первый этаж и выкабллся из дома.

Монолог третий

Тротуары покрылись рыхлой ребристой ледяной коркой: я шагал по краю пешеходной дорожки и поддевал каблуком сероватые льдинки, спихивая некоторые из них на проезжую часть. В голове моей боролись две мысли: заскочить в магазин за бутылочкой чего-нибудь покрепче или не заходить и сохранить трезвость на сегодня, чтобы угодить Кларке. Ну, идти в гости с пустыми руками – просто невежливо, как подмазывать-то? К тому же мне вовсе не обязательно пить самому – можно же просто угостить друга. Успокоив себя такими рассуждениями, я написал Дмитрию сообщение: «Я скоро загляну на несколько минут». Никакого ответа не последовало, что означало негласно разрешение, согласно древнеримской поговорке. Стало уже без пяти минут десять, когда я добрался до маленького продуктового магазина: в ряду бутылок стояли водка, дешёвый коньяк, красное полусладкое, белое полусладкое, батареи пивных бутылок, ром, синтетика для конченных алканавтов. Я выбрал бутылку коньяка, оплатил мысленной операцией через ком и вышел вон. Начиналась лёгкая метель: снежинки вихрем носились вокруг фонарных столбов, ластясь о лампочки и исчезая во мраке ночи. Я пересёк улицу, увёртываясь от запоздавших электромобилей, чьи хозяева торопились на ужин, добрался до тридцатизэтажной жилой башни, нажал на домофоне номер Димкиной квартиры. Замок прожужжал («бзззз!»), и дверь приоткрылась. Я прошмыгнул в подъезд и поднялся на лифте на 24-й этаж. Пока лифт взлетал в шахте от рывка стальных подтяжек, мне пришёл странный имейл на личную почту с непонятного адреса, и в нем значились всего три слова: «Смотри в оба». В тот момент я не придал письму никакого значения. Подумал, должно быть, спам какой-то. Правда, посыл явно к чему-то призывал, но из-за непонимания, от кого он и с какой целью, я предпочёл просто отмахнуться.

Дверь в квартиру оказалась приоткрытая, и я проник в прихожую его студии, довольно уютную: из всей мебели там был модный шкаф, сливающийся со стеной, с невидимыми междверными щелями, в центре комнаты мягкий удобный диван-кровать, на смежной со шкафом стене – экран визора, перед диваном небольшой журнальный столик. Вот и вся мебель. Минимализм в чистом виде. Димон развалился на диване, погруженный в транс: его пальцы шевелились, будто играли на невидимом музыкальном инструменте, или руководили оркестром, или производили какие-либо иные манипуляции. Вероятнее всего, он просто играл. Ему было сорок с лишним, и жил он один. Худые выбритые щеки. Волосы тронула белизна, тут и там серыми прядками посеребрив густую шевелюру, возвещая о приближающейся старости. Чем-то он походил на Макса Жакоба с портрета кисти Модильяни, особенно в этот момент, с подернутыми пеленой глазницами. Его ком являл из себя лупоглазые очки с диоптриями; на обратную сторону линз проецировалась вся нужная информация, – старая модель, лет пять уже как на рынке, но свою актуальность, видимо, не потеряла. Во всяком случае, для таких старпёров, как он сам. Димон был дважды разведен, оба раза жёны уходили от него с детьми: видимо, он не создан для семейной жизни. Последние несколько лет он явно наслаждался одиночеством и кайфовал от этого. Он вёл бухгалтерские дела у нескольких маленьких фирм на удалёнке, и этого было вполне довольно, чтобы он оставался счастливым.

– Здорова, Дима! – сказал я громко, так, чтобы он меня расслышал сквозь завесу цифрового морока.

– Привет, привет.

Он отвлекся от игры, и глаза его обрели былую ясность. Я вытащил из-за пазухи бутылку коньяка и потряс перед его носом.

– Что ты мне суёшь это? – он недовольно поморщился. – Между прочим, я в завязке уже третий день.

– Ай, брось. Где у тебя стаканы? Давай хоть символически пригубим.

– Какой повод?

– Сегодня меня уволили с работы.

Я вкратце рассказал, как это всё вышло. Приятель, кряхтя, поднялся с дивана, неумолимым жестом заставил стену-шкаф разбегаться в стороны и достал с одной из полок два стеклянных стакана, поставил их на столик. Я откупорил бутылку и разлил, присев на край дивана рядом с другом.

– У тебя есть кореша в «Рустиксе»? – спросил я, протягивая ему стакан с охристой жидкостью.

– Не лучшее место. Не советую тебе туда соваться. Во-первых, то, чем они там занимаются, мягко говоря, не совсем законно, и без нужных связей тебя быстро прижмут, а захотят ли хозяева впрягаться за тебя? Сомневаюсь. Можешь запросто присесть ни за что.

– Я думал, может, на мойке мне найдется местечко? Там я буду как бы не при делах. Наёмный работник, и типа знать не знаю, что там у них в гараже творится.

– Пфф... Это работа для необразованных конченных увальней. Думаешь, очень приятно возиться с абразивами, и шлангами, и чужими ковриками среди вонючих испарений? Вам протереть панель? Вам требуется химчистка салона? Дерьмо, Милен, брось ты эту затею.

– А куда тогда податься? Мне нужны деньги. Жена вообще сказала, мол, пока работу не найду, домой не возвращаться.

– И поэтому решил напиться? Ну давай уж, раз решился, будем, – он приподнял бокал.

Мы опрокинули в себя стаканы, не смакуя. Напиток обжигающим впрыскиванием согрел желудок.

– Раз уж такое дело, – Дима крякнул, лицо у него на миг побагровело, – я бы на твоём месте устроился водителем такси.

И этот про такси...

– Машины нет, – сказал я.

– Так дело нехитрое. Купи или возьми в прокат. Кроме того, в самой службе такси тебе могут просто выдать авто для работы.

– Тогда комиссионные с каждой поездки мизерные будут. А у твоего друга, Владика, нет ли какой-нибудь вакансии? – спросил я, подразумевая одного из его работодателей, чьи дела шли неплохо. Не знаю, чем тот зарабатывал на жизнь, но когда я их видел полгода назад на одной базе на берегу озера, где Димон отмечал день рождения, Владислав выглядел довольным жизнью, и было заметно, что дела у него карабкались в гору, подобно умелому альпинисту. Хотелось бы босса, у кого всё в порядке с работой.

– Сомневаюсь...

– А у тебя?

– Не, друг. Ума не приложу, откуда у меня может взяться вакансия. Я же работаю один. Нынче времена сложные. За пять минут работу, пожалуй, не найдешь... Надо подумать. Я покумекаю, чем тебе можно помочь. Если что, позвоню.

Я покинул приятеля около полночи. Бутылку, опустошённую на две трети, оставил ему: пусть допивает, если хочет. От плохого коньяка начинала побаливать голова. Помня об угрозе Кларки, но чувствуя необыкновенное облегчение от залитой в топливный бак горячительной жидкости, я брёл по улице, раздумывая, куда бы податься. Машин стало совсем мало. Ещё более редкие прохожие, поеживаясь, брели отстранённо по дальней стороне улицы. Холод начал пробираться под брюки и щипать луковицы курчавых волосиков, давая о себе знать. В подвале, что ли, своём залечь? Тогда я вспомнил об отце и решил навестить его.

Отец мой работал на стекольной фабрике – сколько себя помню, он всю жизнь там батрачил на производстве оконных пакетов. Работа была тяжёлая, и он частенько говорил мне, какой же я счастливчик, что меня не угораздило попасть в этакий рабовладельческий строй. Не понимаю, что его самого там держало. После смерти моей матери он остался жить в квар-

тирке в ветхом доме в старом районе города близко к центру, продолжая упорно каждодневно пешком подниматься на пятый этаж. И работать на проклятой фабрике, несмотря на свой возраст. Прошлым летом мы ездили за город на пляж, с ним, детьми и Кларой. Он решил искупаться в реке, и я впервые за много лет увидел его тело: он походил на цельный кусок розовато-бурого песчаника с каменными мышцами, обвитыми проводами синих толстых вен: подбородок топорщился, позвонки выпирали из спины, как драконьи зубы, и несуразно выдавалось вперед точно набитое войлоком пузо. Я позвонил ему, но разговор оборвался, едва успев начаться:

– Пап, здорово!

– Привет, сынок. Ты что-то поздновато звонишь сегодня.

– Ты дома?

– Дома ещё. Вот собираюсь выходить. Обуваюсь уже.

– Куда в такое время?

– А вестимо куда. На работу. У нас аврал. Там застройщик один в регионе не успевает сдать дом вовремя, вот попросили нас поработать недельку в третью смену.

«Куда всё строят и строят? – промелькнуло у меня в голове. – Неужели все эти квартиры кто-то покупает?»

– Совсем сдурел? Пап, тебе уже почти семьдесят! Они не имеют права тебя заставлять вкалывать по ночам!

– Я сам так захотел. Успокойся. У тебя что случилось?

– Ничего. Просто хотел спросить, можно у тебя сегодня перекантоваться сегодня? Тут такое дело...

– Это еще зачем? – удивился папаша. – С женой своей поругался? Я не собираюсь в этом участвовать. Поди купи ей цветы, помирись и возвращайся домой. Ко мне нельзя. У меня не убрано, и вообще...

– Пап, не надо вот этого. Я же не просто так прошу... Ну какие сейчас могут быть цветы?

– Ещё и выпивший, – догадался он. – Я уже выхожу за порог. Не вздумай заявляться ко мне. Помирись с женой и вали домой! Всё, пока!

– Паап... – но он уже отключился и вслед за тем сбросил повторный вызов.

«Чёрт! Чёрт! Вот срунство!»

Что теперь делать? Куда пойти? Так-так, Кларочка, я еще не окончательно провонял алкоголем, не как обычно, во всяком случае. Надо только немного развеяться, и всё будет в порядке, она ничего не учует. Главное – не раскрывать пасть и не начать дерзить, иначе всё испорчу. Она мигом просечёт, чем я занимался. Может, чего и перепадет сегодня, до утра-то времени достаточно. А может, она просто уснёт, и я устроюсь на кухне на раскладушке, как давеча. И не придется ночевать среди хламья. Как раз неподалеку находился вход в летний парк, и я решил прогуляться по заметённым дорожкам, выдыхая облачка пара и надеясь, что дух коньяка до самой последней капли будет изгнан прочь ночным воздухом. Часовая прогулка пойдёт на пользу и избавит от хмеля.

Топая по обледенелым тропинкам среди грустных черных осин, развесивших плети-руки над аллеями, к обочинам которых дворник уже смёл невысокие гребни снежных холмиков, я думал о нашем прекрасном времени. Пусть я совсем не богат и жизнь моя мёдом не намазана, но по любому она много лучше и полнее, чем если бы я родился двести или даже пятьдесят лет тому назад, когда ни за какие деньги невозможно было приобрести технологии, что в ходу сейчас, и блага цивилизации, идеи которых лишь зарождались, витая в воздухе, но не могли обрести плоть, потому что не хватало умений и ресурсов придать им подходящую форму. И сколько таких идей витает прямо сейчас, воплощаемых теперь же, в эту секунду, вероятнее всего, где-то за океаном счастливыми, кому повезло заниматься тем, что они любят и черпают вдохновение в самом мире, перекраивая его, подобно божествам, по своему разумению.

Я далек от того, чтобы пытаться изображать из себя интеллектуала, но мне хватало ума, чтобы понимать, насколько интеграция кома с сознанием благотворна для последнего, позволяя человеку заниматься творчеством, не переставая при этом выполнять рутинную работу, или прямо за станком, записывая результаты параллельного процесса в облако и затем, в более спокойной обстановке, обдумывать их и шлифовать или модернизировать.

Чем бы мне хотелось заниматься по жизни, спросите вы? Приведи пример, скажете вы. Да много чем. Сочинять стихи, например: вспыхивающие в голове строки можно подгонять под рифмы, какие не приходили в головы предыдущим поэтам благодаря аналитическим литературным программам. Играть в шахматы – изучать дебютные комбинации, решать шахматные задачи; благодаря подсказывающим программам каждый мог взять на вооружение стиль Таля или Фишера и играть в их манере. Можно заниматься наукой. Астрономией там или орнитологией. Математикой. Я вот учил французский. Читал французских классиков в оригинале: Золя, Дюма, Камю, Арагон; изучал критику и все такое. Зачем они мне понадобились? Просто мне нравилась Франция. Я мечтал когда-нибудь побывать там, проехаться по старым городкам, побывать в музеях и познакомиться с полотнами древних мастеров. Глотнуть бургундского, прогуляться по старинным улочкам. Почему нет? Каждому своё – что в этом такого? *Ne perdez pas de temps car cela fait la vie.*

Так я шел и думал обо всем этом, выдыхая пар и тут же анализируя, сколько промилле еще оставалось в крови на основании вторичных признаков и по собственным ощущениям: еще полчаса, и можно будет возвращаться домой, не опасаясь гнева дорогой жёнушки. Я сжевал комок снега, с наслаждением ощущая, как он тает на языке.

Впереди показались две длинные фигурки и одна пониже. Приблизив их с помощью встроенного цифрового зума, я рассмотрел их подробнее. Особи мужского пола, типичные представители подвида *homo sapiens latro*. Один высокий, осунувшийся, в дряхлом пальто, волосатый: косматые пряди торчат во все стороны; другой, напротив, бритый, с резкими чертами, на носу шрам, и сам он изогнут, будто когда-то его сломали пополам, и он так и не научился выпрямляться до конца; а третий был самым низким из них: на его голове торчала миниатюрным конусом тёмно-синяя вязаная шапочка. Лица свирепые и неприветливые; хищные глаза рыскали по сторонам в поисках добычи. Время: без четверти час. Завидев меня, они выстроились шеренгой, закрывая возможность прошмыгнуть мимо.

Лишь бы они не оказались отщепенцами, промышляющими грабежом ночных путников, оказавшихся не в то время и не в том месте. У меня появилась мысль, а не повернуть ли назад. Пойти обратно, свернуть на боковую аллею, затаиться, исчезнуть. Так будет безопаснее, и внедрённая в мозг программа защиты советовала подобный исход не просто так: в голове вспыхивала красная лампочка тревоги. Вопреки опасности я не свернул и не убежал. Всё еще булькавший в крови коньяк придавал мне храбрости, глупой до бравады, а природное равнодушие твердило, что всё обойдется. Ну, или что я смогу показать недоумкам, если они вдруг решатся выпасть против меня, где раки зимуют.

– Глядите-ка, кто у нас тут? – присвистнул короткий.

– Мужик, ты чего тут ошиваешься так поздно? – спросил бритый со сломанным носом.

– Эй, куда торопишься, дружок? Есть деньги? – вторил лохматый.

– «О, лейтенант! Кто эти негодяи?» – по неизвестной причине мои губы произнесли строчку из «Отелло». Сердце бешено заколотилось.

– Эй, не пудри нам мозги цитатами из Шекспира. Мы не хуже тебя знакомы с Эйвонским бардом, – заявил коротыш, нагло ухмыляясь.

– Ты лучше расскажи нам, чумба, чем можешь поделиться с тремя страждущими собратями? – они столпились вокруг меня, не давая прохода.

– Отвалите на хрен. Дайте пройти! – ляпнул я, хотя программа самозащиты, встроенная в ком, твердила мне совсем другое: «Не говорите с незнакомцами! Проходите мимо! Бегите как можно скорее! Не поддавайтесь на провокацию!»

– У-у-у, – промычал мужик с кривым носом. – Напросился...

Патлатый парень шагнул поближе и со всей мочи ударил меня в солнечное сплетение. Я согнулся вдвое, непроизвольно схаркнув на бетонную дорожку. Еще один удар ботинком, отозвавшийся резкой болью в бедре, и я повалился на тротуар. Двое остальных принялись мутузить меня ногами, и я прикрывался локтями, чтобы защитить голову. Надо было послушаться совета программы и улепётывать, пока предоставлялась возможность! Я ведь даже никогда в жизни не дрался! С чего бы мне хотеть так рисковать?

Небольшая коробочка размером с сигаретную пачку вынырнула из-за пазухи пигмея, и он принялся водить ею вдоль моих рук, бедер, вдоль торса, разыскивая место на моем теле, куда крепился ком, – я не знал, что существуют такие модели, способные подключаться к индивидуальной системе другого человека и помимо его воли считывать данные, вторгаться в область персональных данных и – о Милосердный! – переводить средства с твоего банковского счёта на счета подставных призрачных фирм под разными благовидными предложениями и по фальшивым назначениям платежей, откуда дубли мгновенно исчезали, растворяясь в небытие, пока не оседали на неведомых легальных счетах. Красная лампочка в голове надсадно редела. Я извивался всем телом, стараясь уберечься от ударов и в то же время пытаюсь отвести от себя ком-шпион.

– Может, просто отберёшь его ком, а мы его как следует взломаем и обработаем позже? Чего сейчас возиться с ним? – предлагал патлатый.

– Сейчас ты, мужик, будешь ползать в луже собственной крови, – продолжал коротышка, вода по мне суперкомом; я вдруг увидел его лицо, нависшее надо мной с выпученными глазами и расплывшееся в ядовитой ухмылке: от него воняло кариесом, и между двумя передними зубами зияла широкая щель. – Ты щас будешь звать мамочку на помощь, чумба, говори, где ком? Давай его сюда! В зад, что ли, себе засунул? Сам достанешь, или мне его оттуда выковырять ножиком? Ага, кажется...

– Развлекаемся, ребята? – раздался зычный басистый голос, не похожий на остальные. Кто-то остановился в нескольких шагах от нашей веселой группы, и тень его от фонаря в дальнем конце аллеи падала на меня.

Битье прекратилось. Я все еще лежал, зажмурившись, пытаюсь определить наиболее ушибленные места на теле. Подонки рассматривали вновь пришедшего и отвлеклись от меня, и я мало-помалу принялся отползать от них на локтях и шевеля коленками.

– А ты еще кто таков? – спросил, выпрямляясь, коротышка.

– Что это за перец? – уточнял лохмач у сломанного носа.

– Может, дружокек этого? Ща ему попадет заодно, если станет лезть в наши дела. Брюх, преподай урок чмырю.

И бравая тройца поторопилась задать трёпку неизвестному, но не прошло и минуты с начала второго раунда потасовки, как грабители удрапали в разные стороны, и неслись они так резво, словно за каждым из них гнался рой разъяренных ос. Приподнявшись и прижимая ладони к болевшим бедрам и бокам, я принялся разглядывать своего спасителя, не зная, последовать ли примеру убежавших разбойников или поблагодарить его за избавление от опасности.

Человек был высокий и худой: длинное легкое светло-бежевое пальто закрывало всё его тело от шеи до пят, воротник поднят. Шелковистые волосы его были уложены в с виду небрежную причёску. Острый нос, внимательные глаза. Подстриженная борода и усики. Одним словом, заправский хлыщ, каковых в моем окружении отродясь не водилось.

– Кто вы?

– Вам несказанно повезло, милейший, что я оказался поблизости, когда эти, с позволения сказать, хулиганы решили воспользоваться вашим уязвимым положением. – Перец выразился весьма интеллигентно, что было странно – незнакомец словно копировал вышедшую из употребления манеру речи, забытую более века назад.

– Как вы это сделали? Они что? Просто убежали? – у меня отвисла челюсть, с нижней губы, кажется, капала слюна.

– Возможно, на них подействовало особое электромагнитное устройство, воздействующее на комы избирательно в близком радиусе. Если мне угрожают, я включаю его, и агрессивные личности вроде наших хулиганов вынуждены ретироваться, поскольку не в состоянии выдержать гудение ультразвука в своих мозгах – таким образом работает мой приборчик.

– Ни хрена себе... И как выглядит эта ваша штуковина? Покажете?

Он показал двумя сложенными пальцами на свой висок.

– Вшита под черепом. Включается автоматически. Вероятно, нам стоит удалиться, пока эти приятели не вернулись с оружием посерьезнее. Пойдемте, мой друг. Я провожу вас к выходу из парка.

– А что вы тут делали? Как вы тут оказались?

– О, поверьте, совершенно случайно. Почувствовал, что необходимо развеяться перед сном и обдумать кое-какие идеи. Ночная прогулка подходит для мыслительных процессов как ничто другое. Я вовсе не собирался вас выручать, но и пройти мимо мне тоже не позволяла совесть. Поэтому у вас есть повод считать себя чертовски, чертовски везучим.

Мы следовали по аллее. Я ковылял за ним медленно, хромя на одну ногу. К счастью, хулиганы дубасили меня не особенно старательно. До лужи крови и фекалий, хвала Всевышнему, не дошло. Временами я оборачивался, но те нехорошие люди не появлялись более. Снова пошел снег. Крохотные пушинки кружились вокруг фонарей, точно стайки мотыльков летним вечером. Стылая сырая осень распыляла вокруг тоскливую меланхолию, запуская в ночь щупальца тумана, но в тот момент я не ощущал холода: кровь так и кипела в венах, разгоряченная стычкой с негодяями, и совершенно определенно я окончательно протрезвел, уподобившись в чистоте и незапятнанности богемскому стеклу. Незнакомец убрал руки в карманы и не торопился, но и не оборачивался.

– Особенно никогда не считал себя везучим. Возможно, всё поменяется с сегодняшнего дня.

– Все может быть, – прищелец усмехнулся.

– Но как-нибудь я хотя бы могу вас отблагодарить? Вы избавили меня от многих неприятностей... Поверить не могу, что со мной такое произошло. Я чувствую в себе сильнейшую потребность любым подходящим вам образом выразить свою признательность, – кажется, я против воли перенимал его утонченную манеру речи.

– О, не стоит, – на его губах играла холодная улыбка. – Я вовсе не преследовал выгоду во время этого маленького происшествия. Впрочем, если желание оказать мне услугу действительно так сильно укоренилось в вас, возможно, и найдётся нечто, чем вы можете оказаться мне полезным.

– Как мне вас найти?

Мы вышли из парка на стоянку для автомобилей, и незнакомец подступил к черному блестящему немецкому купе: дверь услужливо распахнулась с присущей дорогим маркам элегантностью, и он забрался внутрь. Машина тут же завелась, фары вспыхнули голубоватым сиянием. Он опустил окошко и протянул мне бумажную визитку – я даже не подозревал, что такие еще распространены. Обычно обменяться контактами можно меньше чем за секунду, предоставив доступ к публичной анкете кома. Но отчего-то этот хлыщ решил поступить иначе.

– «Скрипчел Крухов», – прочитал я на визитке, далее следовал номер телефона, который я тут же попытался отыскать в поисковике, впрочем, без малейшего полезного результата.

Забив имя в поиске, я также ничего не обнаружил. Скорее всего, какой-то псевдоним, призванный скрыть настоящие данные хозяина.

Хлыщ в дорогом авто сдержанно и снисходительно улыбнулся.

– А я...

– Ваше имя, Милен, мне уже знакомо. Прощайте! – произнес этот загадочный человек, закрывая окошко.

Машина подала задним ходом и укатила в ночь.

Я вернулся домой, разделся и принял душ; грязную одежду одним комком забросил в стиральную машину. Хорошенько почистил зубы и прошел в зал, по совместительству спальню. Кларочка сладко спала. От нее пахло домом и тепленькой хорошенькой женщиной, моей. Я лег с ней рядом и обнял сбоку. Она заворчалась и что-то забормотала, но не проснулась и, к счастью, не стала подсоединяться к моему кому, чтобы узнать, где я гулял последние часы...

Монолог четвертый

Утром мне дали как следует выспаться. Я забыл перед сном принять очередную таблетку, и теперь тело выло от слабости, требуя подкрепиться. Милосердная Клара оставила на прикроватной тумбочке стакан воды и положила рядом пилюлю L@rn'a. Только проглотив ее и запив водой, я ощутил прилив сил и некоторое облегчение, но в целом состояние оценивалось как на редкость гадкое, даже отвратительное. Голова гудела от ночных побоев, и на теле выступили синяки и ссадины. Я осматривал собственные бедра, поднялся с постели и, шатаясь, обошёл квартиру: все куда-то запропастились. Кажется, жена говорила что-то о выступлении Лайлы утром, и может быть, поехала с ней на репетицию, а может, и по своим делам. Рафаэлло ходил до обеда в гимнастическую секцию и висел на кольцах, упражнялся – это полезно для него, он с детства рос довольно хиленьким, и я искренне надеялся, что силовые упражнения помогут ему стать настоящим мужчиной и позволят защитить себя в ситуациях, подобной той, что случилась со мной накануне. Впрочем, против троих молодчиков, каким бы сильным ты ни был, пожалуй, вряд ли сумеешь одержать безоговорочную победу. Лучше просто не вляпываться в дерьмо.

Я уже лет сто не наблюдал своё жилище утром в лучах солнца, пробивающегося сквозь смог, вечно висящий над промзоной. Я упоминал, что наш город был построен чуть более ста лет тому назад вокруг промышленных предприятий нефтехимической промышленности? Когда нефтеперерабатывающая промышленность захирела после неизбежного распространения альтернативных источников энергии, эти заводы частично перепрофилировались, какие-то закрылись, иные стали сдавать свои площади в аренду различным частным компаниям (L@rn тоже располагался на этой площади), где предпринимателям дали свободу работать по сниженным налоговым ставкам, чтобы подстегнуть экономику края, но все эти меры принесли не совсем ожидаемые результаты из-за повсеместного разгильдяйства и воровства, как всегда у нас, – сколько бы лет ни проходило, устройство нашей страны неизменно. Обычные работяги вроде меня и посредственности, не обладающие средствами приобрести доступ к престижным профессиям, не особо разбогатели. Пожалуй, мне не стоит далее распространяться на эту тему, дабы не вызвать на себя обвинений в оскорблении власти – *sed lex dura lex*.

Свет тёплыми лучами ложился на занавески, на темно-коричневый линолеум. Под кроватью пухлыми хлопьями накапливалась пыль – пора запустить программу очистки на машинке для мытья полов. Тишина окутывала меня нежнейшими облаками спокойствия – как, оказывается, здорово побыть порой в одиночестве. Я достал аптечку и обработал синяки заживляющим кремом. Выпил кружку растворимого кофе. Просмотрел утренние новости: в Дубае приступили к заливке фундамента башни, которая станет самым высоким небоскребом в мире, обогнав Харпер билдинг в Нью-Йорке – в плане 312 этажей, предполагаемая высота со шпилем – почти два километра; в Москве при таинственных обстоятельствах погиб известный адвокат Давид Зодиаков, предположительная причина смерти – суицид; суб-вайт дива Никанелла Забриски выложила видео танца, названного аудиторией её канала «бомбическим», – я остановился на последнем, просмотрел видео и, блаженно улыбаясь, согласился с оценкой подписчиков красотки. Потом я вспомнил вчерашний вечер – потеря работы, поиски вариантов. Чёрт... Незнакомец. Визитка. Я хлопнул себя ладонью по лбу: визитка осталась в кармане брюк, а брюки я бросил в стиралку. Наверняка от нее уже ничего не осталось и прочитать надпись уже не удастся. Вытащив брюки из сушилки, оставалось лишь убедиться в своих опасениях: на сыром ещё клочке бумаги положительно ничего нельзя было разобрать. К счастью, элементарная перемотка решит эту проблему на счёт раз. Я просмотрел еще раз вчерашнее избиение и заодно задумался, не стоит ли позвонить в полицию и натравить их на тех подонков. Склонившееся надо мной лицо коротышки, поспешное бегство троицы подонков, появ-

ление спасителя: странное дело, его лицо казалось смазанным, я никак не мог его разглядеть, да и голос его казался измененным, совсем не таким, каким он мне запомнился. Впрочем, момент, когда я взял в руку его визитку, запечатлелся отчетливо: я сделал скриншот и сохранил его в папке с документами.

Позвонила Клара и поинтересовалась, как у меня дела. Я рассказал про вчерашнее нападение и пожаловался на ноющую боль в нижних конечностях. Она выразила пожелание, чтобы я скорее поправился и занялся делами. Ходил ли я уже в центр занятости? Я сказал, что еще не успел, так как едва успел подняться на ноги после тяжелой ночи.

– Так если можешь ходить, возьми себя в руки и оправляйся в Центр занятости и встань на учет на бирже труда! Ты обещал! – заключила она и, не прощаясь, отключилась.

Я ничего не обещал. Но ладно, раз вам так сильно надо, окей, выполню требуемое. Я переоделся во все свежее и немятое и, пнув как следует подъездную дверь, выбрался наружу и поплёлся к трамвайной остановке в квартале от моего дома: линия тянулась с промзоны через центр города вдоль центрального проспекта. Единственный известный мне офис центра занятости находился возле здания администрации, и на трамвае было проще всего добраться, хотя я и справедливо полагал, что это совершенно пустая затея. Может быть, у них и найдется вакансия дворника, или уборщика, или охранника торгового центра. Но на зарплату, что им платят, практически невозможно выжить. Низкопольный самоуправляемый трамвай бесшумно подкатил к платформе длинной обтекаемой блестящей змеей из стекла и металла. Я шагнул внутрь, искренне жалея, что приходилось оставлять следы грязи на чистом полу от подошв, с которых растекалась серо-коричневая жижа от таявшего льда и снега. Я сидел возле окна, глядя на холодные тусклые тротуары, плавно тёкшие мимо, на бесцветный снег, хранившийся по обочинам до весенней оттепели, на хмурые ошестившиеся деревья, на кислые фасады одинаковых панелек, на блики на ветровых окнах припаркованных возле них электрокаров; небесный овчар гонял по пасмурной выси стада кудрявых барашков; блеклые люди, сидевшие на соседних сиденьях, уставились себе под ноги, думая о чем-то своем или читая новости в Сети: глаза их были наполовину закрыты или затянута целлофановой пленкой.

*Снимите гнёт со взгляда моего,
Чтоб скорбь излилась хоть на миг слезою,
Пока мороз не затянул его¹.*

Жили ведь раньше люди, оставившие след в истории. Данте, например. Пятьсот лет назад он гулял по Флоренции, сочинял свои стихи. Нынешнее искусство и искусством-то назвать язык не поворачивается, что ни возьми: хоть кино, хоть так называемую литературу, хоть музыку или живопись: сплошная выхолощенность, глянец, гламур, политкорректность и безталанность. Собирище неудачников и бездарей, мнящих себя артистами. Ничего даже близкого по духу, мощи и уровню, например, «Ста годам одиночества» или, допустим, «Процессу» за последние десять, или даже двадцать, или тридцать лет не выходило. Тьфу. Разве может в мире, в котором боишься слово сказать против властей, натываясь то на один закон о благопристойности, то на другой о противодействии тому или сему, возникнуть что-нибудь великое, освобожденное от дурацких оков публичной цензуры, к слову, автоматизированной до абсурда и проникающей повсюду, где есть слово и дело. А я? Неужели мне тоже предстоит погрязнуть в рыхлых сугробах посредственности и ничего не добиться? Я вовсе не мечтал о творческих вершинах, но хотя бы о достойной жизни – разве это не прописано в конституции? Чёрт, опять меня повело куда-то в сторону, простите.

¹ Данте Алигьери «Божественная комедия», песнь 33, перевод М. Лозинского.

Центр занятости представлял из себя несколько квадратных блоков разного размера, присоединенных друг к другу короткими переходами, облицованными тёмно-коричневым кирпичом вокруг высоких панорамных панелей. Его построили в начале нынешнего века, и архитектор тяготел к футуризму, видимо, ныне совершенно устаревшему. В чём необходимость являться лично, спросите вы, когда можно подать заявку через Сеть? Разумеется, можно, но тогда придется стоять в электронной очереди и ждать ответа до двух месяцев. Другой способ – отправиться на биржу собственноручно, пройти собеседование у государственного служащего и надеяться на более быстрый результат.

Не стану вас утруждать описанием сидения в очереди с виртуальным талончиком среди обездоленных бедолаг, явившихся туда за тем же самым, что и я. Как отвечал на флегматичные вопросы госслужащего, похожего на меланхолическую модель Пикассо голубого периода. Как снисходительно приняли моё прошение о получении пособия по безработице, обещав отправить ответ на него по электронной почте в течение семи рабочих дней, и рекомендовали следить за суб-вайтом. На почту тут же пришло сообщение о том, что заявка принята, и к ней они прикрепили подробную презентацию, что долбила участок Вернике в головном мозге контекстными тегами вроде «заплати налоги сейчас и получи скидку» и «негосударственный пенсионный фонд „Паром“ – это Ваше достойное будущее».

Выйдя из офиса, я уселся на скамейке и крепко задумался, как провести остаток дня. Куда еще обратиться за поиском работы? Явно на Димона надеяться не стоит. Вариант с «Рустиксом», по-видимому, также отваливается. Надо прошерстить суб-сайт с объявлениями о рабочих вакансиях. И тут я вспомнил о ночном происшествии. Рано или поздно придётся разобраться с услугой, что, возможно, потребует вчерашнему хлыщу. Я припомнил, как он выглядел, какое изысканное пальто покрывало его плечи. Его дорогую тачку. У такого пижона, должно быть, деньги куры не клюют. Это значило, что, оказав ему нужную услугу и если мне достанет ума, возможно, мне удастся примазаться к нему и снискать благосклонность богатого чела, а оказавшись в фаворе у влиятельного чувака, можно добиться чего-нибудь и для себя. Вдруг это шанс, который нельзя упускать?

Выудив из головы скриншот с номером телефона, я набрал его, и через несколько длинных гудков услышал в ушах сердитый незнакомый голос:

– Кто это?

– Э-ээ... Господин Крухов? Это Милен, помните? Вы выручили меня вчерашней ночью, и-и-и...

– Вы ошиблись номером.

Трубку, хотя это выражение уже неактуально, положили. Я недоуменно поглядел на скриншот, сверил цифры. Всё то же самое. Может быть, он подшутил? Или сунул не ту визитку, старую? Или он просто не в духе? Чтоб тебя! Кажется, все надежды рушились прахом. Оставалось только плестись на трамвайную остановку. Пока я шагал, в ушах зазвонил телефон. Номер отсутствовал в записной книжке. Он вообще не определялся. Интерфейс телефонного приложения кома затруднялся предоставить какие-либо сведения о звонившем. Отвечать или нет? Я лихорадочно раздумывал над этим, будто от звонка зависела моя судьба. В конечном счёте, так оно и вышло.

– Алло? – недоверчиво отозвался я.

– Милен?

– Э-э-м, да.

– Это Скрипчел Крухов. – Голос его звучал не так, как я его запомнил, он вообще мало напоминал человеческую речь.

– О, добрый день! Да, вы сказали, что я ошибся номером, хотя...

– Это неважно. Что вам угодно?

– Да, собственно, это я хотел спросить, чем могу услужить вам, Скрипчел? – «Что за идиотское странное имя?» – подумал я, впервые произнося его вслух. – Я должен как-то отблагодарить вас за спасение.

– А, вы об этом. Ну хорошо, встретимся сегодня в семь вечера возле въезда на авторынок. Знаете, где это? – спросил безразличный голос.

– Да, конечно.

– В таком случае до встречи.

Короткие гудки прервали наш разговор, и я забрался в подъехавший трамвай, который повез меня обратно. Он был еще более блестящим и новее предыдущего, и на окнах изнутри проецировалась короткая рекламная анимация: «Запишись на тест-драйв нового VW FAUST и ощути энергию ветра!» или «Бой Л. И. Си против Г. Ирикова 2 декабря! Сделай свой выбор на портале ставок @bet». По пути я набросал резюме и накропал несколько адресов, куда его отправить: всякие объявления на тематических сайтах: от их чтения возникала такая тоска, что вместе с ней приходило желание удавиться. Я решил пока ничего не отправлять и дожждаться вечерней встречи, чтобы проникнуться намечавшимся делом, выяснить, насколько оно стоящее, а уж потом и отправлю: полагаю, объявления о вакансиях никуда не денутся до вечера.

Вернувшись домой, я обнаружил, что вся семья уже в сборе. Жена занималась домашними хлопотами, вернее, следила за тем, чтобы белье стиралось, робот-уборщик не заклинивало, а еще протирала пыль и устроила генеральную уборку на балконе. Дети делали вид, что выполняют домашние задания, но на деле, кажется, валяли дурака. В кои-то веки я постарался разобраться в их заданиях и рассказать о каких-то вещах из собственного опыта, да и попросту мы довольно весело провели время, болтая, и даже Кларочка смягчилась немного, перестав бурчать, и когда я вдруг схватил её за талию, как бывало раньше, лет пять назад, не оттолкнула меня и не вырвалась, а даже обняла меня в ответ и вернула мой поцелуй своими нежными тонкими губками; и я даже стал надеяться, что вечером, когда дети улягутся в постель, мне перепадёт сладенький кусочек тортика или хотя бы долька нектарина.

Ровно в 19.00 я стоял возле запертых ворот авторынка: место это находилось за городом, возле железнодорожного переезда, и сам авторынок являл собой всего лишь большую квадратную площадку, закатанную в асфальт и окруженную по периметру бетонным забором. Возникшая около восьмидесяти лет тому назад, автотолкучка эта обросла снаружи рядами гаражей, магазинами электрозапчастей и автоаксессуаров, офисами перекупов и полуплегальных сервисов, моек, шиномонтажек и проч.

Уже в то время, когда только заливали асфальт на этом полигоне, фантасты и люди науки представляли себе, что в наше время сложные механизмы обретут дополнительную функциональность в виде антигравов и, преодолев силу притяжения, станут гибридами автомобиля и самолёта, научившись летать по воздуху, и кажется, сняли несколько художественных фильмов, где в числе прочих футуристических артефактов демонстрировались наглядно подобные прототипы. Ничего такого не произошло. Антиграв не изобрели. После первой четверти нового века человечество переложило на дроны надежды на легкодоступность перемещений по воздуху, уподобив их поездкам на личном автотранспорте или велосипеде. Однако удобство использования подобных устройств и их по-прежнему высокая по сравнению с рядовыми электрокарами стоимость всё еще не позволяли им массово распространиться. И хотя инженерия далеко продвинулась, подняв простоту управляемости и стабильность летающих на пропеллерной тяге аппаратов на гораздо более продвинутый уровень, мы, обычные люди, продолжали передвигаться по дорогам на автомобилях. Кроме того, грузовые перевозки были сильно ограничены массой груза, что был способен нести на себе дрон, и зачастую они не годились для тяжелой или объемной поклажи. Частично крупные дроны заменили вертолеты, но их использование все еще оставалось узкоспециальным и было доступно немногим, в основном людям с деньгами. Впрочем, их стали использовать в медицине, отчасти сменив устаревшие кареты

скорой помощи; их взяла на вооружение полиция для быстрой доставки личного состава или патрулирования улиц; пилотируемые и беспилотные гонки дронов стали популярными видами спорта; ими пользовались и для доставки товаров, что стало совершенно обычным делом; разумеется, их продолжали использовать и в военных целях; в общем, дроны использовались везде, где только можно, однако ограничения во времени автономной работы, несмотря на значительный прогресс в области производства мощных и компактных аккумуляторов и в программных энергосберегающих технологиях, удобство старых добрых тачек для многих обывателей перевешивали скорость и шик полета. Эти мысли циркулировали в моей голове, пока минут десять я ждал своего вероятного покровителя возле запертой двери главного входа.

Но вот появилась блестящая черная машина, сверкавшая так, словно ее часами полировали до того, как допустить к поездке: ни единого пятнышка грязи или царапинки. Он подрулил ко мне, остановился и кивком головы велел занять соседнее место в машине. Та же бородка, широкий лоб, темные глаза. Мы так и стояли за железной дорогой. Крухов несколько мгновений разглядывал меня, чему-то слегка улыбнулся, показав несколько фарфоровых зубов. Я тоже с любопытством рассматривал мажора, потом не выдержал взгляда и отвел его на приборную панель: радио тихо бубнило пятилетний корейский хит в стиле басс-топ.

– Вы недавно потеряли работу, – утвердительно произнес он: голос его звучал бархатисто, тембр был мягкий и приятный, возможно, он модифицировал связки, чтобы голос звучал так приятно.

– Ага... буквально вчера. – Я удивился, насколько далеко он углубился в наведении справок обо мне.

– Что-нибудь уже присмотрели?

– Да вот... Изучаю предложения тут и там.

– Если вы еще не устроились на другую должность, что скажете, если я предложу вам одну работёнку?

– Зависит от того, что нужно делать... – промычал я: я ведь хотел, чтобы разговор подошел к данной возможности, но никак не ожидал, что беседа примет подобный поворот едва не с первой секунды.

– Вы не только отблагодарите меня, но и сильно обяжете, да к тому же подзаработаете. Дело срочное, и к его исполнению следует приступить немедленно. К тому же от вас требуется определенная осторожность, расторопность, внимательность, хотя само дело и не является сколько-нибудь затруднительным, по сути, это просто прогулка.

– Нужно куда-то ехать? – уточнил я.

– Именно.

– И решение нужно принять именно сейчас?

– Именно.

Снова в голове судорожно задрывалась тревожная мысль, точно зеленая мохнатая гусеница, зажатая пальцами непостижимого великана перед тем, как стать наживкой для ловли пестряка. Он поспешил успокоить меня дополнительными разъяснениями:

– Нужно прокатиться вокруг Москвы. Маршрут по нескольким городам. Поедешь один. Приходилось работать курьером? Мне нужно доставить кое-какие заказы своим клиентам. Товар деликатный, и я не хотел бы доверять его обычным службам доставки.

– Несколько городов? И как мне это сделать? Сколько времени это займет?

– Срок – максимум неделя, – продолжал перец. – Отправишься утром на машине. Более подробные инструкции позже. Сейчас я сказал более чем достаточно.

– Но у меня нет машины.

– Последнее транспортное средство, зарегистрированное на твое имя, – «Рено Касси» 2055 года выпуска. Четыре года назад ты продал её по сильно заниженной цене. Из-за аварии?

Или эта рухлядь просто развалилась от старости? Впрочем, теперь уже неважно. Авто будет. Тачку для поездки я уже добыл. Для этого мы здесь.

– А что за товар? Надеюсь, это не что-нибудь противозаконное? Проблемы будут?

– Законное вполне. Вещи довольно безобидные. Электронные приборы по спецзаказу. Проблемы могут возникнуть лишь в том случае, если ты сам поведешь себя как кретин. Рецепт избежать проблемы прост – не быть кретином. Теперь довольно об этом. Итак, ты согласен?

Я и не заметил, как мы перешли на «ты». Как много он обо мне знает, оказывается.

– А какое вознаграждение полагается, если я справлюсь с твоим заданием? – задал я последний вопрос, от которого зависел исход разговора.

– Отличный вопрос. Если не подведёшь, четверть миллиона рублей сейчас, включая всевозможные дорожные расходы. И столько же по возвращении домой с пустыми руками после всех развезенных заказов, живым и здоровым. Итак? Мы договорились?

Я глубоко вздохнул, размышляя над его предложением. Сумма немаленькая. Но и подозрительно много за работу обыкновенного развозчика. Что-то тут нечисто. С другой стороны, было бы все чисто, не платил бы так много. Какая-то часть меня с негодованием морщилась и отвергала эту возможность, благоразумно твердя, что легкие деньги к добру не приводят, и если мне не хочется попасть в мутную историю, лучше не связываться с этим подозрительным типом.

– Уже и тачку раздобыл. И подготовил задание. И разузнал про меня всю подноготную? А что если откажусь? Сам сядешь за баранку²?

Крухов развёл руками и пожал плечами, смущенно улыбаясь:

– Сильно бы не хотелось такого допускать, при моей-то занятости. Однако если тебя мое предложение в итоге не устроит, видимо, придется поискать другого водителя.

Я чувствовал, как мутная история уже завертелась: всё было predetermined победившей другой, алчной частью меня, желавшей заполучить лёгкие деньги.

– Ладно. Будь по-твоему. Где там твоя тачка?

– Отлично, я рад, что ты согласился.

Он протянул мне ладонь, и в тот миг, когда мы пожимали друг другу руки, мой текущий банковский счет пополнился на кругленькую сумму.

² За баранку, или за руль, – архаичная идиома, пришедшая из тех времен, когда наземный транспорт был еще оснащен рулевыми колесами, предполагавшими ручное управление автомобилем поворачиванием этого самого колеса вправо или влево.

Монолог пятый

Вернулся я домой на автомобиле, чего не случалось уже четыре года с тех пор, когда я продал прошлую машину, по верному замечанию Крухова, после глупой аварии: в меня въехал пьяный тракторист на железном монстре, промяв бочину в продольную рябь огромным колесом. Пришлось скинуть тачку за бесценок, а на новую я так и не накопил, да, честно говоря, с развитым общественным транспортом и вахтой оно, думается, особо и не требовалось. Я заехал на платную подземную парковку неподалеку от дома, оставил машину на минус третьем этаже современных катакомб. Расчерченное поле, уставленное темными силуэтами автомобилей; кое-где в полумраке виднелись пустоты. Тихо как. Только откуда-то капала вода. Капельки плюхались в лужу в мрачном темном углу, куда соваться не хотелось. Поднялся на лифте наверх. Еще несколько сотен шагов – и я вернулся домой.

Мать выдала детям бумагу и краски, и они рисовали что-то: Лайла пыталась запечатлеть свой сон, а Рафаэлло придумывал комиксы, сочиняя заковыристый сюжет про подростков с картинками. Я посидел с ними несколько минут, пытаюсь выяснить у них, о чем они думают и что нового случилось сегодняшним днем. Они чирикали наперебой, и у меня сердце щемило от искренней любви и привязанности, звучащей в их звонких голосах. Будет жаль покидать их. Грусть заполняла полости в сердце кислым вином. Я, как мог весело, поболтал с ними, затем сообщил им, что уезжаю в командировку на неделю и спросил, какие гостинцы они хотят: сын попросил купить ему коптер, а дочь пожелала кошелек из замши.

Клара расположилась на диване в большой комнате, подмяв под себя обе ноги и что-то сосредоточенно разглядывая или читая в своей голове. Жаль, что нельзя заглянуть человеку в голову и узнать, о чём он думает, – до сих пор не сконструировали гаджетов для чтения мыслей. Я с довольным видом сказал ей, что нашел работу и уже завтра мне нужно будет уехать. Клара выслушала меня спокойно и лишь приподняла бровки, когда я перевел на семейный счет двести тысяч дублей, оставив лишь пятую часть от этой суммы на дорожные расходы.

– Этот странный человек уже заплатил столько денег, хотя ты еще ничего не сделал? – спросила настороженно она.

– Ага. Теперь я должен выполнить свою часть контракта.

– А что именно ты повезешь?

– Еще не знаю сам, жду инструкций.

– Надеюсь, это не какая-нибудь наркота или запрещенные препараты?

– Нет, что ты, – я ухмыльнулся, стараясь разуверить её в подобной мысли, хотя и сам был не до конца в этом уверен. – Груз совершенно легальный. Какая-то электроника.

– Будь очень осторожен по дороге, умоляю тебя! – Она вдруг сложила руки в умоляющем жесте и прильнула ко мне, вынуждая обнять её, чего не случалось, казалось, уже целую вечность. – Не хочу, чтобы ты попал в херовую историю. Что-то мне всё это не слишком нравится.

– Не волнуйся, мать, – приободрял я жену. – Вернусь, и тогда присмотрим землю за городом. А сейчас пора ложиться, завтра вставать рано-рано.

Я достал из шифоньера старую спортивную сумку и сложил туда несколько сменных комплектов белья, несколько пар носков, кое-какую одежду, полотенце, одеяло, мыло.

Перед сном я заглянул в комнату детей, обнял их на ночь и поцеловал в лобики, как бывало раньше, когда они оба были совсем маленькие. Клара расстилала постель, пока я чистил зубы и разглядывал свою небритую физиономию в зеркале. В глазах моих просвечивала еле видная тоска и внезапно – испуг перед неизвестностью, что наступит уже через несколько часов. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, достал из шкафчика лазерную бритву и почесал щеки сжирающим щетиной торцом, пока не очистил их совсем.

Лампочка над раковиной выключилась автоматически, стоило отвернуться от зеркала и перешагнуть порог ванной комнаты. Клара уже лежала в ночной сорочке на разложенном диване, укрыв нижнюю часть тела одеялом. Крякнув, я устроился рядом с ней, протянул руку, нащупал её коленку, поднялся чуть выше, схватив её за ляжку.

– Полегче. – Она попыталась вырвать свою ногу, и отодвинуться, и сказать что-то еще, но я заставил женщину умолкнуть, впившись в её рот своими губами...

Ровно в пять утра незнакомый номер заставил меня проснуться. Глухой и незнакомый голос велел вставать и выезжать. Я вышел на балкон, чтобы не бубнить в тишине и никого не разбудить.

– А куда ехать-то?

– Выезжай по шоссе на запад. Направляемся в Пензу.

– В Пензу? А груз?

– Дальнейшие инструкции будут даны позже. Груз в машине.

– О как. А где именно?

– Подтверди получение инструкций. Следующие инструкции получишь позже.

– Подтверждаю... – разочарованно сообщил я. Разговор прервался.

Лучи авроры еще не пронзали небо, и в предрассветном мраке стелились клочья белёсого тумана, и редкие уличные фонари разгоняли полупрозрачную дымку оранжевым светом. Я выдохнул облачко пара. Пахло сыростью и стылым бетоном. Я вернулся в квартиру и заскочил в детскую, посмотреть напоследок на деток. Над рабочим столом сына загорелся тусклый огонек ночника. Детские рисунки разбросаны на столе. Снятые комы лежали под кроватями, ожидая активации. Я стоял в центре комнаты и глядел в полумраке на спавших деток. Погладил шелковистые волосы Лайлы. Прикоснулся к щеке Рафы. Глаза обоих были сомкнуты в блаженном сне. Неслышно вздохнул.

Клара уже поднялась меня проводить. Я умылся, схватил свою сумку. Жена перед выходом обняла меня (что было неслыханно), улыбнулась и даже поцеловала на прощание и пожелала удачи. Перед тем как отправиться на парковку к выданному для экспедиции электрокару, я спустился в подвал, сунул свою коробку с накопленным палсом в сумку и выбрался на улицу.

Спустившись на минус третий этаж парковки, найдя свою тачку, открыл багажник. Внутри отделения для вещей было совершенно пусто. Едва моя сумка заполнила свободное пространство, раздался звонок, и снова номер не определился.

– Милен, я вижу, ты уже готов ехать, – сказал строгий голос.

Я обернулся, но никого не увидел; если кто-то и наблюдал за мной, то сам оставался невидимым. Впрочем, ничего удивительного: в наше время от слежки не скроешься даже в глухом лесу, если уж кто-то решит подглядывать за тобой.

– Угу. Готов. А инструкции-то будут?

– Отогни коврик в багажнике и приоткрой отсек для запаски.

Пришлось убрать сумку на пол и сделать, как он сказал. Причем я всё никак не мог понять, с кем именно говорю. Был ли это Крухов или другой человек? Его голос постоянно менялся, а в интонации отсутствовала мелодика и какая-бы то ни было человечность. Под крышкой, закрывающей место для запасного колеса, оказался черный кейс с кодовым замком.

– Вижу дипломат, – отчитался я невидимому собеседнику.

– Запомни код: 256—472.

– Угу, – я тут же переписал номер в заметки и запаролит её.

– Открой.

Я открыл. Внутри кейса находились пять пластиковых коробочек 5x5x10 см, пронумерованные от одного до пяти. Что скрывалось под глянцевыми чехлами, понять было невозможно:

на ощупь футляры были твердыми и без выступов. Разумеется, распаковывать их до вручения адресатам было категорически запрещено.

– Как нетрудно догадаться, это клиентские заказы, – произнес сухо бесцветный голос. – Номер один передаешь в Пензе. Не стоит нарушать целостность упаковки, иначе заказчик откажется от покупки, а ты останешься без оплаты. Точный адрес сообщу позже, когда будешь подъезжать к городу, – сообщил он.

– Принято, – подтвердил я, привыкая к новой манере разговора.

– Если с тобой что-то случится, ты не должен... – помехи сбили его речь, и окончания фразы я не расслышал.

Дверь в дальнем конце парковки отворилась, и в тусклом свете я разглядел абрис человека в пальто. Неторопливо он двигался в мою сторону: нас разделяло примерно двести шагов.

– Теперь немедленно садись в машину и выезжай, – твердо произнес голос. – Конец связи.

Звонок прервался. Я запер чемоданчик, водрузил обратно защитную крышку, швырнул внутрь сумку и захлопнул багажник, после чего плюхнулся на сиденье перед панелью управления и нажал кнопку завода двигателя. Управление у таких моделей осуществляется через ком. Сдал вспять: в зеркало заднего вида все еще виднелся человек: он неторопливо шагал, преодолев уже половину пути. Я тронулся вперёд и по серпантинному пандусу выехал наружу, настроил навигационную систему, чтобы пилот следовал кратчайшим путем к центру Пензы: по его расчетам, дорога по скоростной трассе займёт семь часов. В серый город проникало утро: небо окрашивалось в приятные розовые тона. Улицы нехотя просыпались и наводнялись автомобилями и первыми троллейбусами и трамваями. Проехав через центр по прямому, как линейка, проспекту, я выехал на шоссе, обгоняя тяжеловозы: так началось мое путешествие. Автомобиль несся довольно резво: заряд аккумулятора – 85 процентов. Шоссе стелилось тремя полосами в каждую сторону. Мокрой грязно-серой акварелью расплывались небесные барашки, скучные посадки неслись мимо тощими метёлками. Машина взяла на себя управление, а я читал последние сводки новостей: что происходит в мире?

На Земле всё одно и то же, а вот на Луне произошло чрезвычайное происшествие: открытый пять лет назад к столетию первой высадки шикарный отель «Хилтон» на международной станции Луна-4 захватила пара террористов, муж и жена, члены какой-то палестинской ультрарадикальной группировки «Хамад» (запрещенной на территории России и в ряде других стран), требовали освобождения из тюрьмы отряда их коллег-смертников, схваченных во время секретной операции в лагере подготовки боевиков на границе с Израилем три года назад, в обмен на заложников «Хилтона», а в противном случае угрожали гибелью всем присутствовавшим взрывом самодельной бомбы, собранной ими прямо в отеле из неизвестно каких привезенных с собой подручных материалов. В Сети публиковали их фотографии с описанием биографии каждого из преступников. Усугубляло ситуацию то обстоятельство, что среди возможных жертв в главном зале самого большого в отеле ресторана людей оказался израильский министр финансов и еще сенатор Соединенных Штатов. Некоторые источники твердили о том, что якобы супруги требовали бонусом к освобождению своих друзей также круглую сумму денег, но в других источниках я упоминания об этом не находил. Как бы то ни было, эти двое подняли на уши целую планету своей безумной выходкой и поставили правительству Израиля ультиматум, выполнить который требовалось в течение суток (к моменту прочтения статьи шёл уже шестой час с захвата «Хилтона»). Я предполагал, что, наверное, американцы уже отправили туда спецназ в скафандрах, но успеют ли они на штурм до окончания срока? И чем это всё закончится?

Девушке было двадцать три, а муж её родился на два года позже и, судя по фотографиям, не любил стричься. Прочитав в нескольких источниках историю их любви и совместной деятельности, я как-то по-новому глядел на серый асфальт и без конца думал о том, что в молодости есть несомненная и неповторимая прелесть: ты можешь выбрать себе любую дорогу, чтобы

проехать по собственной жизни в удобном для тебя направлении. Вот, например, я не бывал на Луне, да я из страны-то выезжал всего раза три, и мое существование было не особо разбавлено опытом приятных путешествий. Скажем, настоящая поездка уже была освободительным приключением, чем-то выдающимся. А эти взяли и дерзнули напасть на Луну... да, они фанатики и безумцы, но теперь о них говорит весь мир, и они на другой планете, устроили такую панику, что теперь за десятки тысяч километров от них мир дрожит в возбуждении, ожидая развязки... В отличие от них, моя жизнь, может, и окончится не от дыры в голове, и судьба у меня тусклая и бесславная, и сторю я не вспышкой метеора в верхних слоях атмосферы, а скупной восковой свечой, но жалеть мне не о чем. Свою жизнь я не обменял бы на другую.

Отъехав от города на почтительное расстояние и увлеченный собственными мыслями, я несся по шоссе на максимально разрешенной скорости. Других машин было немного. Всё так же ползли грузовики, и моя милашка сама огибала их время от времени. На панели приборов зажглась красная лампочка и запищал тревожный сигнал. Приглядевшись внимательнее и сверив значок в разделе проблем в инструкции по эксплуатации машины, тут же выуженной из Сети, мне удалось выяснить, что проблема в двигателе и как-то связана с внутренним устройством автомобиля. Встроенный в полупрозрачный экран на лобовом стекле, на котором высвечивались основные показатели движения, появилась надпись, настоятельно требовавшая заехать в ближайший сервис, чтобы решить проблему у профессиональных сотрудников. Чертыхнувшись про себя, я стал искать по трассе впереди автосервисы. Шильдик японской марки намекал, что желателен не просто какой-то гараж, но приличный дилерский центр, где могли поправить здоровье моей металлической малышки. И таковой обнаружился всего лишь в тридцати километрах дальше по маршруту. Пришлось поставить паузу на пути следования и отправиться к мастерской.

– Что же ты меня подводишь, милая? – сперва я нежно погладил приборную доску, а потом стукнул по подлокотнику. На всякий случай включил аварийные огни и велел ей снизить скорость.

Первые шаги к движению по замене бензиновых двигателей на электрические начались еще в начале века, в 10-х годах, когда крупные промышленники стали обращаться к электромоторам и выпускать первые серийные авто на электричестве или гибриды, способные ехать как на топливной тяге, так и на электрической. В конце 20-х весь развитый мир уже обзавёлся сетями электрозаправок, а многие марки внедряли новейшие технологии, устанавливая на крыши солнечные панели нового поколения, взаимодействующие с гибридными аккумуляторами для дополнительного питания плюс системы реверсивной подзарядки, использующие кинетическую энергию торможения и тепловое излучение излишнего нагрева двигателя. Совсем недавно разработали тепло-световые панели, аккумулирующие энергию от температуры воздуха, что хорошо работает в жарких южных странах, а также сенсоры, способные подзаряжаться от света уличных ламп, да, чёрт возьми, едва ли не от света Луны, и медленно, но верно, пока транспорт не используется, батарея восполняет потерянные за день запасы уже к следующему утру. К сожалению, эти технологии еще довольно дороги в виду своей инновационности, и пройдет еще несколько лет, пока они не станут общедоступными. А пока это скорее игрушки для гиков и поклонников конкретных марок. Вместе с аккумуляторами развивалось и программное обеспечение, сведшее участие водителя в поездке к роли пассажира.

Возвращаясь к теме выбросов: крупные компании под действием Зеленых стали топить за экологичность любой промышленности, и тогда выяснилось, что само производство и эксплуатация автомобилей на аккумуляторах не всегда лучше и безопаснее выбросов от бензиновых двигателей: их изготовление всё ещё являлось ужасно вредным процессом, а зарядка велась от электричества, чаще всего сгенерированного тепловыми электростанциями на угле или газе, сопровождаемого активными выбросами токсичных веществ в атмосферу. Развитие индустрии выпуска менее опасных для окружающей среды электромашин двинулось пол-

ным ходом сперва в Европе, где тестировался массовый переход с двигателей внутреннего сгорания на электромоторы с подключением к возобновляемым источникам питания: ветряные мельницы, выработка энергии от переработки отходов, приливные станции и тому подобное. Большие производства кичились дружелюбием к окружающей среде и заявляли о стремлении к нулевой эмиссии. Постепенно всё больше стран втягивались в гонку за наиболее эффективные методы охраны природы, и поэтапно мир сумел путем правительственных соглашений и инвестиций в разрабатываемые умными людьми проекты объединиться в глобальную сеть электроэнергетики, сгруппировавшую большие и малые сети – производители тока всех стран первого и второго мира, стремившихся довести долю возобновляемых источников энергии в общей массе действующих предприятий до девяноста процентов.

Вошла ли Россия в этот союз зелёной энергетики? Появились ли у нас ветряки? Протянулись ли к нам ответвления «зеленого тока»? Разумеется, нет, мы продолжали и продолжаем эксплуатировать ГЭС и реакцию деления ядер урановых атомов, и хорошо еще отказались от ТЭЦ, хотя я не уверен, что повсеместно.

В 40-х произошёл прорыв и изобрели аккумуляторы нового типа, основанные на синтетических материалах. Не стану утомлять деталями, думаю, будет достаточно упомянуть, что батареи для машин превратились в производительные элементы, намного превосходившие аналоги прошлых поколений и способные проезжать многие сотни километров на одном заряде. С ними конкурировали мини-ядерные станции, вырабатывавшие на одной заправке безопасного радиоактивного топлива энергию годами, впрочем, не получившие столь широкого распространения из-за относительной дороговизны. Еще одним источником энергии стали модернизированные солнечные панели, чьи размеры стараниями инженеров удалось уменьшить, а выходную мощность увеличить. Особым шиком считалось комбинирование всех трех видов источников питания в домах или дорогих автомобилях в качестве резервных.

Центр по техническому обслуживанию являл собой безликое здание из широких стеклянных панелей и металлических балок с бетонными перекрытиями. Недолгое ожидание в клиентской зале перед визором с чашкой ароматного кофе. Потом меня пригласили в ремонтную зону на встречу с мастером-ремонтником. Этот наглый субъект в оранжевой униформе с короткой стрижкой, жующий какую-то резиновую дрянь, сказал мне, что машине настал конец: ремонт потребует долгий и довольно дорогостоящий: на раз-два эту проблему с движком не исправить, а дальше следовать на неисправной машине – равносильно самоубийству: она готова была остановиться в любой момент...

– Сколько времени потребуется на ремонт? – спросил я.

– Ну, сложно сказать так навскидку, может быть, дня два. Требуется полная диагностика системы. Потом перепаивание некоторых клемм, настройка систем. Ну, оставляйте тачку у нас и готовьте бабки, мы всё сделаем как положено.

– Вот жопство... Вы не понимаете! Я тороплюсь!

Мастер развёл руками.

В ушах раздался звонок с незнакомого номера. Вероятнее всего, Крухов. Дьявол!

– Да, – ответил я как можно более спокойным голосом.

– Милен, ты остановился на пути следования по маршруту. Что случилось?

– Машина встала. Сломалась, – я прокашлялся. – Говорят, ремонт потребует пару дней и уйму бабла. А где его взять, понятия не имею. Может, вы подскажете?

– Ты специально всё подстроил таким образом, чтобы сорвать мои планы? – в его голосе послышались тщательно сдерживаемые нотки нетерпения. – Тебе сегодня же нужно прибыть в Пензу и отдать первый заказ.

– Эй, я всё это понимаю, но, при всём уважении, не я выбирал эту тачку. Это ты мне её выбрал и выдал, и я понятия не имел, что она сломается, едва я покину город. Как считаешь,

разговор с механиком убедит тебя, что поломка двигателя не связана с моим злым умыслом? Позвать его?

Человек на связи напряжённо замолчал. Я слышал лишь хладнокровное дыхание змеи, готовившейся к броску.

– Необходимо продолжать движение вперёд к обозначенной цели. Найди решение. Немедленно.

Звонок сорвался. Бессмысленно разевая рот, я пытался продолжить разговор, но диалог с пустотой не клеился.

Спустя какое-то время решение отыскалось. Добравшись до директора конторы, я невероятными усилиями сумел погрузить его в пучину отчаяния и боли, куда против воли погрузился сам из-за невозможности выполнить задание по работе; вызвав в нём проблески сострадания, мы в итоге договорились об обмене неисправного авто на тачку попроще, но на ходу. Японец даже с затратами на ремонт, конечно же, был намного дороже аппарата, оказавшегося в моем распоряжении. «Лада Квест». Отечественного, так сказать, производства. Отстававшего от лучших образчиков лет на десять в наиболее оптимистичном свете. Оказавшись за приборной панелью этой узкой машинки с низкой крышей, наглядно убедился в том, насколько топорно выделанной оказалась эта штукovina. Нищенский набор опций. Панель скрипит и хрустит, точно вот-вот отвалится.

После подписания всех бумаг и оформления формальностей я выехал я на этой «Ладе» из сервисного центра довольно поздно: на улице уже смеркалось. Опять позвонил начальник. После кровопролитной схватки с Круховым мне удалось убедить его, чтобы он договорился со своим пензенским клиентом о переносе передачи заказа на завтра. И после длительных уговоров и пыхтения в трубку он согласился с этим, только когда я отправил ему видеофайл изображения шоссе, подсвеченного холодным светом фар. Со вздохом бессильного негодования он сообщил, что позвонит завтра утром, узнать, как дела.

Машина хоть и была оборудована системой автовождения и могла спокойно доехать до места назначения без всякого моего вмешательства, но я не доверял этой колымаге настолько, чтобы позволить ей управлять своей жизнью. И накопленной телом усталости стало так много, что ехать дальше было невозможно, и я решил остановиться отдохнуть.

Придорожный паб «Берёзка» со стоянкой для дальнобойщиков: «Парковка на ночь всего за 200 дублей». Я припарковался возле грязной тентованной фуры (тягач не подавал признаков жизни, чернея окнами и погасшими фарами), и водитель, вероятнее всего, храпел в спальнике. Мне подумалось, что не помешает кружка зеленого чая на сон грядущий. Вошел в невзрачное одноэтажное здание с дюжиной белых старомодных пластиковых столиков с дешёвыми трёхножными стульями с обшарпанными спинками. Из посетителей – один я да троица бородатых дальнобойщиков в клетчатых рубашках явно не первой свежести. Они вполголоса переговаривались за графином прозрачной жидкости: от них доносился кисловатый аромат сивухи, плотный и тяжелый. На стенах кафе висели застеклённые фотографии желтых велосипедов с корзинками цветов, прикрепленных к изогнутым хромированным зигзагам рулей. Официантка в голубом фартуке принесла меню напитков. Чай, чай... Водка... Виски... Коньяк...

– Сто граммов коньяка, пожалуйста, – почему-то произнесли мои губы.

– Что-нибудь ещё?

– Пока всё...

Через пару минут пузатый стеклянный бокал с карамельного цвета жидкостью был подан на стол. Попробовав её на вкус, я ощутил неизгладимое блаженство вкуса жизни. От блаженства в голове послышались ноты «Сонаты номер 1 для фортепиано» Шопена. После второго глотка, когда музыка чуть утихла, я принялся рассматривать ту самую официантку в лазурном переднике. В меру полноватая, круглолицая, светловолосая, с подкрашенными сиреневыми веками, смешливая, с ямочками на щеках. Что-то финно-угорское сквозило в ее гру-

боватых чертах. Сделав пару щиплющих глотков, у меня возникло непреодолимое желание с ней поговорить. Я осушил свой бокальчик, принялся общаться с ней, провоцируя на разговор, слово за слово, и завязалась беседа. Спросил имя круглолицей: Снежана. Какое изящно-прекрасное нордическое имя! Она хихикала над моими шуточками, сжимала пухлыми пальчиками белое вафельное полотенце; я предложил ей присесть рядом; девушка долго мялась с ноги на ногу, но решила отказаться от соблазнительного предложения. Звякнул присобаченный к кронштейну над верхней перекладной китайский колокольчик из алюминиевых трубок. Вошёл какой-то субъект с густой рыжей щетиной на клиновидных щеках.

По его взгляду на упитанную красавицу и по её реакции сразу стало понятно, что они знакомые, что у них, вероятнее всего, близкие отношения. Может быть, даже живут вместе или женаты. Девушка тут же прекратила улыбаться, нацепила на физиономию серую непроницаемую маску безразличия и степенно удалилась за барную стойку. Субъект нарочито хамовато опёрся о стойку, наклонил голову к подруге, что-то шепнул, кивнул в мою сторону. Снежана развела руки в сторону, округлила губки. Парень внимательно поглядел мне в глаза, пронзая их пиками своего взгляда, и мне пришлось отвести глаза. Парень толчком отодвинулся от стойки и двинулся в мою сторону.

Присев напротив меня, он помотал деревянными чётками на резинке в разные стороны; вдоль рукавов по три белые полосы. На пальцах синие неразборчивые наколки. Играя желваками, этот тип глухо произнёс:

– Свали отсюда, чучело жопоглазое, пока я тебя не отмочалил. И чтоб я не видел тут больше твою чушную морду. – Он надул пузырь из жвачки, и его скулы острыми углами выделились по бокам свирепой небритой морды.

Так меня еще никогда не оскорбляли. Стало обидно. Будь я уверен, что за него не заступятся те трое посетителей, распивавших за соседним столом, пожалуй, преподал бы ему урок. Но, заглянув в дно опустевшего стакана, я молча приподнялся и угрюмо побрёл к выходу из кафе. Тройка бородачей недружелюбно проводила меня наждачными взорами.

– Эй, гражданин! А счёт? – раздался голос официантки. Звучал он нагло и насмешливо...

Послушно оплатил выпивку и, грустно передвигая ноги, ретировался обратно на стоянку.

Я уселся впереди перед панелью управления «Ладой», сжимаемый с боков неудобным сиденьем. Тихо и недовольно вздохнул, опуская спинку до максимума. Поставил будильник на шесть утра. Мутными расплывчатыми пятнами проплывали мимо оранжевые фары несущихся мимо автомобилей и автопоездов. Грязный тент фуры по соседству трепетал от ветра; кажется, надвигалась гроза, и первые капли вестниками бури упали на лобовое стекло. Я прикрыл веки и тут же провалился в мрачную пучину безликого сна.

Монолог шестой

Из этой пучины меня резко вырвал назойливый звонок будильника; разлепив глаза и выбравшись наружу из запотевшей машины, чтобы размять кости, я увидел, где нахожусь: на ровной площадке рядом с обочиной трассы, окружённый с трёх сторон молчаливыми боками фур; порой до меня доносилась мелкая морось от трассы, по которой проносились мимо редкие грузовики. Рассвет робко пробивался сквозь толщу грязных туч, пытаясь раздуть погасшие угли, и зажечь дневной свет, и погасить фонари вдоль дороги. Ветер шумел в лесопосадке, приветствуя и призывая взбодриться. Оставалось только потянуться, зевнуть как следует и окончательно проснуться; еще бы неплохо найти туалет и почистить зубы. А, еще принять палс: желудок настойчиво требовал подкрепиться.

Когда с утренними процедурами было покончено, я развернул в голове объемную карту местности и измерил расстояние до Пензы – с разрешенной скоростью движения 130 км/час еще до полудня я прибуду на место. Знать бы, куда командующий отправит меня дальше. Знать бы все точки маршрута! Тогда я смог бы рассчитать время, требуемое для достижения каждой остановки, и сразу стало бы понятно, успею ли я к положенному времени. Но я не имел понятия, как связаться со стервецом и уточнить детали даже собственного пути. Негодяй не позволял мне хотя бы самому звонить ему (прежний номер с визитки был отключён), общаясь со мной лишь тогда, когда ему самому это требовалось. Шифровался. Перед подъездом к городу прилетело сообщение от моего невидимого руководителя с адресом встречи клиента. Инструкции велели оставить машину в подземной парковке большого торгового центра, вытащить из чемодана в багажнике коробочку с первым номером заказа и пойти прогуляться на облагороженную часть набережной реки Суры неподалеку от подвесного вантового моста, ждать, пока не явится человек, который заберет товар. Он даже не потребовал подтверждения, принял ли я инструкции к действию: видать, сильно разозлился за вчерашний срыв графика.

Проезжая по центральному проспекту, я видел архаичную разношерстную постсоветскую застройку вперемежку с малоэтажными зданиями, сохранившимися с еще более давних времен и нынче признанными объектами наследия прошлого, среди которых мелькали известковыми кубиками подлинными памятники старины, ныне мало кому нужные церкви, служащие разве что украшениями городов. Погода сохранялась на редкость мерзкая, и ненастное небо, свалившееся на обочины кучами серых сугробов, не придавало улицам какой-либо живописности: очевидно, чтобы ощутить дух древности и насладиться видами, приезжать сюда следовало летом, в тепло, и кутаться в зелень скверов и парков. Пензяки, завернувшись в темные куртки, отстраненно и угрюмо бродили по тротуарам, погруженные в мысли или в комы; сунув руки в карманы и ссутулившись, некоторые походили на больших тараканов: не хватало только усов. Ровный асфальт, испещрённый датчиками и указателями для электрокаров, облегчающих навигацию и регулирующих движение, стелился между неуклюжими зданиями широкой влажной смурой полосой.

Дальнейший путь пролегал по коридорам уродливого торгового центра, отовсюду швырявшего в глаза пестрые объявления и обращаясь через ком ко мне по имени: так нынче пытаются соблазнить потенциального покупателя. Все эти назойливые бутики и магазины с открывающимися при одном взгляде на вывеску суб-вайтами преследовали меня по мере прохождения, вызывая паралич головного мозга; каждый раз оказываясь в подобном месте, мне приходилось уменьшать отклик оптических датчиков до минимума, или вовсе их отключать, или задействовать блокирующие рекламу расширения интерфейса. С облегчением перейдя молл, вышел на приподнятую над полотном дороги пешеходную дорожку, пересек милый сквер с установленной в центре красной звездой, что отмечала завершение Второй мировой, ступил на набережную и двинулся в сторону пешеходного вантового моста над холодной, вяло несущей

щей мутные воды, запечатанные под едва образовавшимся слоем тонкого льда, Сурой. Пакет с футляром, подписанным цифрой «1», был зажат под левой подмышкой.

Местные жители двигались вдоль берега поодиночке и сохраняли дистанцию. Понять, кто из них обратится ко мне за посылкой, было невозможно. Вдоль воды по ровной дорожке бежал парень на искусственных ногах: по сравнению с остальными, он был одет крайне легко и перебирал ногами быстро и грациозно. Где он потерял ноги? Что с ним случилось? Старая женщина, сложив узловатые запястья за спиной, медленно прошла мимо, устремив взгляд в землю. Вскоре я догнал молодую мамашу с коляской: острый носик глядит вперед, белки покрывает пелена, идет на автомате, а сознание витает где-то в других мирах. Младенец в коляске лежал с открытыми глазами и перебирал в воздухе пухлыми ручками, разглядывая пальцы. Его сознание еще ничем не было замутнено: по закону родители могли вживлять комы не раньше пяти лет. Когда мы поравнялись, наши взгляды, мой и ребенка, пересеклись, и мне захотелось произнести ему: «Готовься, малыш! Гляди внимательно своими глазами, пока они еще тебе принадлежат! Вот настоящий мир, куда ты попал!» Но я, конечно же, не стал, чтобы не вызывать подозрений.

Едва я добрался до подвесного моста и развернулся, чтобы прогуляться обратно вдоль набережной, путь мне преградил высокий и широкий верзила с давно небритыми щеками, в капюшоне, весь завёрнутый в темный плащ и с непроницаемыми солнцезащитными очками на переносице. Его зрачков видно не было, и я не мог определить, кто это. И хотя новейшие системы определения лиц могли идентифицировать кого угодно даже в гриме, тем не менее встроенный в мой ком идентификатор без доступа к сетчатке предлагал несколько вариантов личности, и понять, кто из них кто, без подтверждения согласия или приоткрытого доступа, я не мог. Человек сверлил меня взглядом, спрятым за зеркальными черными линзами, нависая играющей желваками бугристой горой мышц: из уголка губ торчал острый кончик зубочистки.

– Ты опоздал, – выронил этот баобаб недовольно хриплым голосом с восточным акцентом.

– Я не хотел, извините, – ответил я, потупившись. – Машина сломалась, и из-за этого я задержался на день.

– Оправдания свои оставь для кого-нибудь другого, – прохрипел бугай. – Давай сюда посылку.

– Как мне узнать, что она предназначена именно вам?

– Ты ведь уже это знаешь, Милен. Не так ли?

Его угрюмые глаза сверлили мой череп.

Вытянув из-за пазухи пакет, я протянул его детине, и тот, ни слова больше мне не говоря, удалился прочь, быстро исчезнув между деревьями скверика. Я почувствовал себя андроидом, исполнившим свою миссию и освободившимся от каких бы то ни было обязательств и программ: дальнейших инструкций мне еще не дали. Но впасть в режим ожидания, застыв на месте, я не мог, а потому продолжил ходить из стороны в сторону по набережной, решив от безделья написать супруге. Переписка не продлилась долго: Кларочка сообщала, что у них все в порядке, и велела позвонить, когда я доеду до следующего места. Из-за прорехи в сером полотне туч выглянуло солнце, разбросав повсюду озорные лучи и заиграв на блестящих поверхностях. От нечего делать я решил почитать новости:

Лунный террорист, не дождавшись выполнения своих условий, привел в действие взрывное устройство, но, к счастью, взрыв не произвел сколько-нибудь ужасных последствий, разгерметезировав лишь один из отсеков, который тут же автоматически заблокировался аварийной переборкой, и тогда двое храбрецов из числа сотрудников отеля напали на подружку кудрявого палестинца, чьи фото демонстрировались в каждом выпуске новостей, и взяли ее в заложники, вынудив парня сдаться, после чего обоих заперли в лазарете до приезда полиции.

С земли тут же была отправлена спасательная миссия, дабы эвакуировать оставшихся в «Хилтоне» постояльцев, доставить преступников на Землю и предать их суду. Весьма любопытно было бы узнать, куда именно их доставят и по законам какой страны станут судить, но об этом нигде не говорилось ни слова.

В голове возникло уведомление о вызове: звонил Скрипчел Крухов или тот, кто себя выдавал за него. Искажённый, слегка вибрирующий голос то ли принадлежал скрытному господину, то ли нет: мне никак не удавалось ассоциировать воспроизводимую им речь с образом хлыща из ночного парка.

– Первый заказ передан, отличная работа. – Говорил он ровно и спокойно, без повышения или понижения интонации, но вроде как и не совсем холодно: может быть, это всё-таки робот, а не человек? – А теперь пора двигаться. Немедленно садись в машину и поезжай дальше, в Воронеж. Ты должен добраться туда до сегодняшнего вечера, и берегись непредвиденных остановок, и сильно надеюсь, что в этот раз обойдемся без поломок. Запоминай адрес: улица Космонавтов, 7, бар «Матрос», в 20.00 будь там и возьми с собой коробку с заказом под номером 2. К тебе подойдет человек и заберет посылку. Подтверди получение инструкций.

– Принято, – пробурчал я.

Звонок оборвался. Сунув руки в карманы джинсов, я зашагал обратным путем. Снова двигаясь сквозь торговый центр, купил горячий американо в картонном стаканчике. Еле втиснув его в единственное подходящее отверстие на подстаканнике, встроенном в старомодный тоннель между передними сиденьями, я забил вручную – ВРУЧНУЮ! – адрес в навигационную систему и через полчаса уже мчался по загородному шоссе по направлению к Воронежу.

Прямо над верхушками колосющихся посадок сосен громоздились друг на друга нестиранные тряпки бесформенных туч, выплевывавшие порой из рыхлых брюх мутные клочья серой ваты, почти касавшиеся фонарных столбов и расплывавшиеся в сыром воздухе обрывками тумана. Асфальтовое полотно, скрывавшее множество датчиков под прерывистой разметкой, тянулось бесконечной линией до горизонта среди услужливо расступившегося перед нею лесного массива. Машина неслась почти бесшумно, но подвеска тут явно была жёстче, чем у японца. Дорога состояла из четырёх полос и была вполне сносного качества, лишь изредка переходя на короткие участки по одной полосе в одну сторону: частенько шоссе и вовсе перекрывали на ремонт, и древняя дизельная техника, кисло развалившись по обочинам, караулила ленивых рабочих, а перед такими барьерами собирались длинные пробки. Иногда попадались растрескавшиеся бетонные площадки, где некогда находились автозаправки или кафе, а теперь на них обрастали травой треснувшие здания с заколоченными окнами. Зевая, я глядел на дорогу и через пару часов остановился на пустой автобусной остановке, чтобы отлить в сухую траву. Потом залез обратно в машину и спустя еще некоторое время оказался на автомагистрали на подъезде к городу. Красивые черные и серые иномарки обгоняли меня слева со скоростью под сто восемьдесят километров в час.

Ещё полчаса, и машина сама припарковалась, втиснувшись в единственное свободное место перед заведением на первом этаже древнего малоэтажного кирпичного дома под вывеской «Матрос». Заморосил холодный неприятный дождь. Осень напоминала о себе. Отворив багажник, достал из кейса вторую коробочку и сунул за пазуху. Из рта выскакивали облачка пара. Небо наливалось суровой свинцовостью, и в сгущавшихся красках зажигались воронежские огоньки. Вздохнув, я запер тачку и двинулся к входу. Внутри играл заводной джинг-рок. В уютном полумраке горели несколько жёлтых лампочек. Я заказал бокал золотистого пива и принялся ждать чего-то, разглядывая поднимавшиеся со дна стакана на поверхность белые шарообразные пузырьки. Пальцы нащупали в кармане куртки подаренный кем-то на день рождения блистер с пилюлями, каждая из которых способна заменить целый ужин, и я запил одну из них горьковатым напитком.

Усатый высокий бармен в белой тельняшке, опоясывавшей его мощный торс тремя десятками голубых полосок на белом фоне, принимал заказы с высокомерием служивого дворцового, а в свободные промежутки мыл и протирал бокалы сухой тряпочкой из силистирола, поигрывая красивыми налитыми бицепсами накачанных рук. На левом плече его красовалась зеленовато-красная татуха с якорем, заглазываемым со всех трех сторон рельефными питонами канатов. «Может быть, и в самом деле бывший моряк? Нынешние суда почти целиком перешли на водородные двигатели», – почему-то подумалось мне.

Справа на высокий вращающийся стул опустился небритый коротышка в сером мятом плаще. Сперва я решил, что это и есть мой клиент, но мужчинка не обращал на меня никакого внимания, объясняя бармену состав особого коктейля, отсутствовавшего в меню, требуя от того строгого соблюдения консистенции. Оглядев из-за плеча зал, я не обнаружил никого, кто мог бы сойти за заказчика таинственной посылки. А кем бы он ни был, пунктуальность не украшала его характер: он опаздывал уже на 10 минут. Оставалось только вернуться к своему бокалу и осушить его наполовину. Напиток уже не охлаждал ледяной свежестью, как при первом глотке, набираясь теплом из окружающего пространства. Кто-то вошел в бар, со звяканьем затворив дверь, и я спиной ощутил присутствие этого кого-то, кто явился сюда за вещичкой, нелепо спрятанной за отворотом моей куртки. Не оборачиваясь, сделал еще глоток. Кто-то занял барный стул слева: по нежному запаху духов и расплывчатой элегантности, воспринятой боковым зрением, стало очевидно, что этот кто-то – женщина.

– Милен? – спросила она с бархатистым безразличием.

– Так точно, – удивленно откликнулся я, против воли поворачивая голову, чтобы разглядеть её получше. Адресат оказался невысокой пепельной блондинкой среднего возраста, худощавой, в элегантном бежевом пальто какого-то, должно быть, недешевого бренда, в черных перчаточках, хорошо шедших непроницаемым солнцезащитным очкам, скрывавшим половину глянцевого личика. Изящная сумочка с тиснением логотипа дорогущего модного дома на коже. По некоторым косвенным признакам я понял, что ей уже за сорок, но выглядела она много моложе. Просто молодым девочкам незачем так одеваться и казаться опытной пигалицей. А матерым леди к лицу молоджавость.

– Чем вас угостить? – спросил я уважительно.

– Я бы не отказалась от рюмки коньяка, если можно, – ответствовала незнакомка всё с тем же бархатистым безразличием в бесстрастном голосе.

Низкий неопрятный мужичок по правую руку получил свой эксклюзивный коктейль, и теперь о чём-то спорил со здоровяком-барменом, ожесточенно жестикулируя. Я прервал их беседу, подозвав наливальщика и потребовав порцию коньяка для дамы. Она приподняла пузатый бокальчик с карамельным пойлом и сделала глоток, а я с изумлением разглядывал ее тонкий профиль и плотно сжатые губы. Ну чисто аристократка! Вы поглядите на осанку, руки, как держится! Пригубив, она повернула головку в мою сторону на три четверти:

– То, зачем мы собрались здесь, при вас?

– Конечно. А кто вы? – вырвалось с моего языка.

– По всей видимости, представление о хороших манерах не закрепилось в вашем воспитании, – надменно заметила эта особа.

– Вероятнее всего, не в том виде, к какому вы привыкли, – пикировал я.

– Так вы отдадите мне посылку?

Я еще раз огляделся по сторонам: никому из присутствовавших не было дела до нас. Сосед справа продолжал трепаться с барменом, отпивая светло-изумрудную фосфоризированную жидкость из своего длинного стакана с торчавшей из него соломинкой. Тогда я вытащил из-за пазухи коробку и отдал пигалице. Предмет тут же был спрятан в кожаную сумочку. Ни слова не говоря, она поднялась со стула и торопливо убралась восвояси, закрыв за собой дверь. И всё, будто и не бывало. Даже коньяк свой не допила: на донышке бокала осталась

янтарная полоска. Моё пиво между тем почти закончилось. Я принялся раздумывать над тем, брать ли второй бокал или отправиться на прогулку по городу в ожидании следующих инструкций. Мои размышления были прерваны типом справа, который тоже уже допивал свой коктейль и, видимо, остро нуждался в общении, а так как бармен отвлекся на заказ другого посетителя, коротышка за неимением лучшего собеседника обратился ко мне.

– Я сразу понял, что вы не местный, – заявил он с места в карьер, будто делаясь чем-то важным. – Честно говоря, я тоже не отсюда. Меня зовут Иннокентий, для простоты можешь звать меня просто Инок, а к тебе как обращаться?

Меня всегда немного коробит, когда человек принимается тыкать со второй секунды разговора. Это побуждает меня дать оппоненту в морду. Честно говоря, в условиях конспирации, куда погрузила меня миссия Крухова, заводить случайные знакомства не следовало, да и без того я человек, скорее, замкнутый и всегда с трудом иду на сближение с посторонними. Поэтому в голове моей родились два варианта развития разговора: или послать его к такой-то матери, или солгать. Одного бокала пива явно было маловато, и я решил развлечься непридуманной беседой.

– Саша я, – представился ему фальшивым именем. – Я тут проездом. Сейчас вот пиво допью и дальше двинусь.

Этого обрывка информации о себе оказалось достаточно, чтобы Инок разразился тирадой о себе любимом. Мужичок даже приоткрыл мне доступ к своему профилю, но я не стал по понятной причине делиться своим. Ему было за сорок, он несколько раз ездил отдыхать на Кипр; недавно развелся с третьей женой, с которой воспитывал дочь, а от предыдущих браков где-то росли еще трое детей. Даже и не скажешь по нему, что такой плодовитый, и как только женщины зарились на него? Или у него какой-то секрет покорения сердец противоположного пола? Работал электриком в муниципальной администрации, но пару месяцев назад его сократили, как и меня, и он решил податься в Москву, чтобы найти там себе какое-нибудь хлебное место, где требовались умелые руки и способности не только языком чесать, но и делать что-то полезное. Пока он расписывал свои незаменимые навыки в самых ярких красках, будто я являлся потенциальным работодателем, мне позвонил незнакомый номер, и, извинившись, я отодвинулся в сторону от навязчивого субъекта, чтобы не доставлять ему радости подслушиванием чужого разговора.

Крухов или тот, кто выдавал себя за него (простите за попугайное повторение одной и той же мысли, но я действительно до сего дня не уверен, был ли это он или другой человек), поздравил меня с вручением второго заказа по назначению (видимо, клиенты лично отчитывались ему после доставки) и сказал, что следующим пунктом назначения будет город Брянск (окраинная улица Красноармейская, 77). В моем распоряжении оказалась масса времени, так как очередная встреча была назначена через сутки: можно спокойно выспаться и не спеша двинуться дальше, но также были даны строжайшие указания подготовить поездку таким образом, чтобы и машина была на ходу, и никакие приключения или неожиданные обстоятельства не смели задерживать меня и на следующий раз. Поинтересовавшись, чем я занят, он велел прекращать квасить и избавиться от назойливых собутыльников, кем бы они ни представлялись.

Я вернулся за стойку и заказал еще один бокал. Типок в плаще продолжал делиться взглядами на жизнь, попутно спрашивая меня о всякой чепухе, не умолкая ни на мгновение. Голова еще вроде сохраняла ясность, но бестолковым ливнем дурацких вопросов и разнообразными ухищрениями Инок таки вытянул из меня, куда я собирался ехать дальше, а я сдуру ляпнул, что в Брянск, и вот уж тогда он вцепился в меня как клещ и отныне не отпускал: он умолял взять его с собой и обещал помочь с ночлегом в хостеле, где он сам устроился на ночь. Я попробовал отделаться от него, сказав, что машина требует подзарядки, но субъект уверял, что парковка и станция дозаправки есть прямо в ночлежке, и там всё сделают для машины

в лучшем виде чуть ли не до техобслуживания за символическую плату. Инок так настаивал и так умело уговаривал, и увещевал, что я не нашёл в себе сил отказать ему, хотя человек этот не внушал особенного доверия. Мы ещё немного выпили, я заплатил за обоих, а новый знакомый за это обещал оплатить койку и заправку, лишь бы только я подвёз его до Брянска, откуда он бы доехал до столицы за своей новой жизнью.

С этими речами мы покинули «Матрос», уселись в машину и стали искать этот хостел, что находился неподалёку, а заодно Инок высказал весьма критическое мнение по поводу отечественного автопрома в целом и о данном экземпляре в частности (что само по себе, на мой взгляд, является верхом бескультурья и просто хамством: если уж набиваешься в попутчики к тому, кто на колесах, а сам передвигаешься лишь на своих двоих, последнее дело ругать тачку хозяина). Впрочем, не согласиться с этим мнением было сложно, и я, скорее, поддерживал его, чем наоборот. Доставшийся мне «Квест» действительно обладал рядом недостатков по сравнению с любой другой современной машиной и по части удобства, и по ходовой. С виду, если смотреть издали, могло показаться, что плавные линии и скос капота выглядят модно, но при ближайшем рассмотрении вогнутость на дверях, простиравшаяся далее на кузов, что кочевала из поколения в поколение, портила всё впечатление. К тому же, как выяснилось позднее из сопутствующей документации, авто было оборудовано устаревшими нано-ионными аккумуляторами отечественной разработки типа «Сельдерей» (почему-то у российских конструкторов еще с советских времен пошла мода именовать всякие технические новинки именами растений, меньше всего вяжущихся с самим продуктом). У этих батарей со временем эксплуатации снижалась ёмкость, и требовалось подключать их к питанию всё чаще. Теперь уровень зарядки застыл на уровне 20 процентов, и конечно же, прежде чем продолжать путь, требовалось хорошенько заправить как основной, так и резервный аккумуля. И это в мире постъядерных батарей, не требующих подзарядки месяцами!

Машина повезла нас по вбитому адресу в дешевую гостиницу под названием «Ромашка» (ещё одно растительное наименование) на первом этаже жилого здания с подземным паркингом, где действительно существовала возможность поставить своего железного коня на ночную зарядку, и тут Инок сдержал слово и оплатил жетон для запуска зарядной установки: индукционный модуль был встроен в бетонный пол, и процесс проходил автоматически, пока хозяин электрокара мирно сопел в кровати. По лестнице мы поднялись в вестибюль «Ромашки», где назойливый попутчик мой исполнил второе обещание, оплатив мне вторую койку молодой администраторше в круглых очках. На её шее была набита чёрная татуировка в виде треснувшего сердца. Мы двинулись по коридору. Инок показал, где расположен кофейный аппарат, где санузел, где наша комната. Этого показалось мне достаточно, чтобы успокоиться и смягчиться к нему. С наслаждением ополоснулся в душе, почистил зубы, переоделся в свежее бельё. Наша комната предназначалась для четырех человек: такое же количество спальных мест и шкафчиков для личных вещей. Двое таджиков, кроме нас населявшие номер, переговаривались сквозь дрему в своих койках, пованивая давно нестиранными носками, а мы с Иннокентием устроились у противоположной стены на двухуровневой кровати: он сверху, я снизу. Непрошенный спутник похрапывал ночью, и на меня напала бессонница: я долго ворочался, поворачиваясь то к выкрашенной в светло-салатовый цвет стене, во мраке казавшейся серой, то к окну, на полупрозрачной занавеске которого полоскались трепетавшие от сильного ветра раскоряченные тени.

Когда Гипносу удалось пленить меня наконец, я утонул с головой в ужасном сне. Будто я работаю продавцом на ярмарке, и на прилавке моём в широком ассортименте представлен садовый инвентарь: секаторы, лопатки, горшки, банные веники, грабли, мотыги, удобрения. Ярмарка эта будто находится в высоком крытом помещении и похожа на сельскохозяйственную выставку, и вокруг меня другие павильоны, и их очень много, все сплошь обшиты деревом, и продают они всё, что только можно вообразить, от шелковых платков до мягких игрушек.

Вдоль широких рядов лавок по зелёному, цвета майской травы, ворсистому покрытию бродят толпы посетителей, щупают и гладят товары, спрашивают цены: многие, судя по довольным лицам, в прекрасном расположении духа и проводят тут часть своего выходного. Я уже продал несколько секаторов и считаю выручку. Вдруг вижу Клару с детьми: они будто совсем маленькие, и Рафа висит на матери, как обезьянка, а Лайла сосёт леденец, держась за её юбку: они все тоже радостные и явно наслаждаются ясным днем. Жена останавливается возле меня поболтать. Мы о чём-то переговариваемся, пока к нам не приближается некий высокий субъект с тележкой, на которой лежит неуклюжий чёрный чемодан. За его спиной висит чехол от гитары. Выглядит он не так, как остальные посетители. Стальной тяжёлый взгляд, сердце из камня, длинные волосы, недельная щетина. Он наклоняется ко мне и говорит, что в его чемодане бомба, и он должен разместить взрывной механизм за моим прилавком. Пока он говорит это совершенно серьёзно, я смотрю на Клару, но она ничего не разбирает из-за тихой речи незнакомца. Я начинаю судорожно соображать, как спасти детей и жену; между тем помогаю чужаку открыть прилавок, и он вкатывает за него свою тележку. Пока он возится там, я резко хватаю Клару за руку, подхватываю малышку под мышку, и мы устремляемся к выходу из огромного помещения. Сердце моё яростно бьется о рёберные решётки, стремясь выпорхнуть из груди.

Заметив наше бегство, человек с тележкой раздражается громкой бранью: он торопливо снимает с плеча чехол, откуда извлекает автоматический карабин, но пока заряжает его, мы успеваем завернуть за угол, и он нас не видит. Свою злобу он вымещает на других. Раздаются выстрелы, но мы уже вне поля зрения убийцы. Обернувшись в последний раз, уже на выходе из здания, вижу рыжий всполох, и стекла с треском крошатся на тысячи разлётающихся во все стороны осколков, слышатся крики, в ноздри пробивается запах гари и дыма: из глаз Лайлы переливается ужас в виде крупных слёз, что смешиваются с кровью из височка, куда угодил мелкий осколок...

Монолог седьмой

Часы показывали пять утра; в испуге я всмотрелся в затаившуюся черноту и медленно и бесшумно опустил ноги на тёмно-серый ковролин, покрывавший пол нашего общего номера. Ком не сразу сработал в ночном режиме и не подчеркивал силуэты предметов, и некоторое время я видел всё в натуральной тусклости. Сердце ещё колотилось после взрыва, а сознание никак не могло привыкнуть к переходу из мира грёз в реальность. Ветер шумел за окном, заставляя стеклянное полотно подрагивать в холодном монохромном сиянии уходящей в небытие ночи. Кажется, все соседи по комнате мирно дрыхли в спокойствии набирающего обороты утра. Я бесшумно зевнул, широко разинув рот и потянувшись, тихо собрал вещички, натянул куртку и попытался слинять. Стоило мне спуститься на минус первый этаж подземной парковки, как из ниоткуда возник крепыш Иннокентий, помятый от раннего пробуждения ещё больше, чем обычно: раскинув руки в стороны в необычайном разочаровании, он воскликнул, намеренно поднимая голос до писка в крайней степени недовольства:

– Решил отправиться в дорогу без меня? – в негодовании он даже скривил губы, как на древних смайликах из эпохи зарождения Интернета.

– Спокойствие, дружище, – парировал я, улыбнувшись самой невинной улыбкой, на какую только хватало моих скромных актёрских способностей, – просто хотел загрузить свои пожитки, а потом разбудить тебя. Но раз уж сам пришёл, поехали?

Мы уселись в тесную машину и двинулись в путь-дорогу. Выползли по пустой четырёхполоске из засилия пяти-девятиэтажек, что муниципалитет стеснялся снести вот уже полстолетия, чтобы построить действительно стоящее жильё. Понеслись мимо сосны лесопосадок вдоль трассы. Вот проехали половину пути до Брянска, когда товарищ мой попросил пилюлю на завтрак: он весь побледнел, стал вялым и неразговорчивым: его собственный запас палса закончился ещё вчера. Конечно же, я поделился с ним своей таблеткой, но тогда он попросил еще и воды запить её, однако в моей личной бутылочке для питья оставалось всего полглотка и, отдав ему последний запас жидкости, я предложил заехать в придорожную кофейню выпить чего-нибудь тонизирующего, отдохнуть и заодно пополнить запасы. Ну, мы так и поступили. Возле экспресс-зарядной станции находилось одноэтажное здание с удобствами, магазином, кафетерием и комнатой отдыха с широкими панелями окон, обозреваемое с дороги, словно аквариум. Нищенское меню бара составляли лишь несколько куцых строчек: пара видов чая и три вида зернового напитка. Я, как обычно, попросил американо, а Инок решил выпендриться и заказал латте. Ему не понравилась толщина пенки на поверхности чашки, и дотошный до невероятия гусь принялся дискутировать на данную тему с утомленной после ночной смены продавщицей, пытаясь убедить её забрать обратно свой товар и выдать ему «нормальный» кофе. Флегматичная девушка в коричневой униформе с белым чепчиком объясняла, почему это невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.